

ПОЧЕМУ НАРУШАЕМ!

Алексей Оутерицкий

Алексей Оутерицкий

Почему нарушаем!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11960896

ISBN 978-5-4474-2553-1

Аннотация

Книга «Почему нарушаем» написана с помощью известного литературного приема «рассказ в рассказе» и состоит из множества самостоятельных произведений, объединенных в единое целое – сборник разножанрового юмора.

Содержание

Объявление	12
Издержки демократии	14
Длинный тост	17
Требуются феминистки	19
Еще один длинный тост	28
Медицинская история	30
Кто имеет поллюцию	32
Про гражданские права	36
Дюжина верных признаков	37
Известно ли вам, что...	40
Новости моды	42
Известно ли вам, что...	44
Краткий толкователь	46
Девушка и маниак	49
Щастья хватит на всех!	53
Известно ли вам, что...	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Почему нарушаем!

Алексей Оутерицкий

© Алексей Оутерицкий, 2015

© «АО Project», дизайн обложки, 2015

Корректор Лариса Шикина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Скрипуче открылась дверь, и на выщербленное трехступенчатое крыльцо стандартной пятиэтажки вышел долговязый сутуловатый мужчина в домашних шлепанцах, с синим пластмассовым ведром в руке. Одет он был в синий спортивный костюм, пузырящийся на коленях и локтях. Некоторое время мужчина стоял неподвижно, словно не решаясь шагнуть вниз, затем повернул голову, посмотрел, близоруко щурясь, на дверь собственного подъезда, будто впервые увидел ее облупившуюся краской поверхность, едва слышно вздохнул и переложил ведро из правой руки в левую. Наконец он сделал первый, очевидно, самый трудный, шаг – может быть, на это решительное действие его подвигла сделанная на двери надпись. «Менты – козлы», – утверждал неизвестный, зафиксировав свое жизненное наблюдение чем-то острым – возможно, гвоздем.

Теперь дело пошло. Двор мужчина пересек быстро, в этом ему поспособствовали длинные, как у цапли, ноги, хотя пользовался он ими с изрядной долей бестолковости – его шаг был неровен и даже нервозен, как у человека, переживающего тяжелый внутренний конфликт – или, попросту, человека похмельного. Дело пошло и снова застопорилось – кажется, этому предположительно нервозному или просто во всем сомневающемуся человеку все было не то и не так. В подтверждение этого впечатления, завернув за угол соседней пятиэтажки, сестры-близнеца его собственной, родной, мужчина остановился, подобно вкопанному, и из его руки выпало ведро. С характерным пластмассовым звуком оно соприкоснулось с асфальтом, пружинисто подпрыгнуло, вновь оказалось на асфальте, пошатнулось и, наконец, утвердилось прочно, как навсегда – утверждению этому в значительной мере помогла весомость его богатого внутреннего наполнения или, попросту, изрядное количество сырой картофельной шелухи.

– Мать моя женщина... – пробормотал, пораженный увиденным, долговязый. – Где ж мусорные контейнеры-то?

Огороженная невысокой кирпичной стеной площадка, на которой испокон веков стояли три мусорных контейнера для жителей двора, исчезла вместе с ограждением и самими контейнерами, теперь здесь было огромное, распростершееся до самого горизонта, попросту бескрайнее поле. Точнее, это было не совсем поле, это была мусорная свалка. Беспорядочно набросанный бытовой, строительный и еще неизвестно какого происхождения мусор – бумаги, тряпки, мотки и переплетения проводов, какие-то бесформенные куски чего-то цветного или серого, шероховатого или склизкого, яркого или неприглядного на вид...

Внезапно за спиной мужчины раздался уже знакомый, только что слышанный им, глухой звук упавшего пластмассового ведра, а через секунду последовал растерянный, с примесью истерических ноток голос близ собственного уха, заставивший его вздрогнуть. Обернувшись, он увидел лысоватого, плотного телосложения мужчину в домашних шлепанцах, которого неоднократно встречал во дворе – кажется, тот жил в соседнем доме.

– Простите... вы что-то сказали?

– Я говорю, и когда только они успели, стервецы эти! – гневно повторил мужчина в шерстяном спортивном костюме синего цвета с зачем-то наглаженными стрелками штанов.

– Чего – успели? – с недоумением спросил первый мужчина в домашних шлепанцах и синем спортивном костюме с пузырями на коленях.

– А свалку! – пояснил второй мужчина, в шлепанцах и в синем со стрелками.

– А кто – они?

– А местные власти. Вы разве не подписывали письмо протеста?

– Нет, – сказал первый мужчина.

– Вот из-за таких как вы, равнодушных, и происходят всяческие безобразия, – нахмурив брови, обличительно сказал второй мужчина. – Вместо того чтобы стоять в пикетах и подписывать воззвания, они своей пассивностью играют на руку коррумпированным городским структурам, которые... – Он не договорил, вдруг сбившись с так хорошо дающейся ему и, очевидно, любимой темы. – Но ведь еще вчера этой свалки не было и в помине... Здесь же еще вчера был пустырь, а за ним лесок! Куда нам теперь вываливать мусор? Соорудить здесь свалку планировалось не ранее чем через год, а посему жильцы считали, что времени приостановить этот грязный проект нечистых на руку дельцов достаточно.

– Чего разоряешься? – раздался со стороны свалки голос. Не раздраженный и не дружелюбный, не сердитый и не приветливый – просто голос. Судя по тембру, он принадлежал человеку, уверенному в себе – скорее всего, весьма и весьма корпулентному.

– А почему на «ты»? – вскинулся мужчина с наглаженными стрелками. – И кто это вообще говорит?

– А ты разуй глаза, – спокойно посоветовал голос.

– По-моему, говорят из-за той штуковины, – предположил первый мужчина, с пузырями на коленях. Он кивнул на грудкухламы метрах в двадцати от них, за которой торчал гигантский холодильник с округлыми боками, кажется, марки «Минск», и предложил: – Пойдемте, посмотрим?

– Ну, пойдемте... – неуверенно согласился сосед.

Двое синхронно нагнулись, подхватили свои ведра и, переглянувшись, не так чтобы очень решительно двинулись к холодильнику. По мере приближения к морозильному агрегату они постепенно замедляли шаг, а подойдя к проржавевшему боками изделию ближе, не сговариваясь остановились в нескольких от него метрах, словно опасаясь чего-то, будто подойти к нему вплотную означало совершить действие, сопряженное с немалым риском для собственного здоровья.

– Ну, чего встали, словно член на свадьбе, – подбодрил их голос. Из-за холодильника высунулась всклокоченная голова мужчины с крупным, небритым, но отчего-то располагающим к себе лицом. Он поманил их пальцем. – Идите, не бойтесь, никто вас не укусит.

Двое переглянулись и, отбросив сомнения, решительно двинулись вперед. Обогнув холодильник, они обнаружили сидящего на проволочном, из-под бутылок, ящике мужчину. Он сидел вполоборота к ним, прислонившись спиной к боковой стенке «Минска». Мужчина, как они и предполагали, был дороден, выглядел человеком, уверенным в себе, а что-то в его облике позволяло также предположить, что он являлся, или является по сию пору, человеком немалой должности. Одет он был в старый, еще советского производства, линялый спортивный костюм синего цвета, сквозь сверкающие там и сям дыры которого просвечивало розоватое тело, и рваные домашние шлепанцы на босу ногу, из которых торчали большие пальцы.

– Присаживайтесь, в ногах правды нет, – заметил незнакомец.

– А... куда, собственно... – низкорослый мужчина с залысинами растерянно посмотрел по сторонам, – куда садиться-то?

– Тут что, ящиков мало? – насмешливо поинтересовался дородный. – Или тебе мягкое да кожаное подавай? Так если поискать, здесь и такое можно найти. Здесь чего только нет.

Свалка место хорошее, можно даже сказать – обильное, хоть ты и проявляешь непонятное мне недовольство. Ну да то, думается, исключительно по недомыслию.

– А почему, собственно, на «ты»? – придя в себя, опять вскинулся лысоватый. – Я попросил бы...

– Да ты не ершишь, не ершишь, – добродушно пробасил дородный. – Небось, из начальников производишь? Не слишком чтоб крупных, таким секретарша по штату не положена, но и не из совсем захудалых – сухую колбасу в советское время в виде спецпайка получал исправно. А еще планерки, небось, проводил, даже право имел законное на людишек нерасторопных покрикивать. Так?

– Ну...

Лысоватый не нашелся, что ответить, а долговязый тем временем принес два найденных без труда серых проволочных ящика, в точности как у главы и единственного представителя принимающей гостей стороны.

– Вот и ладно, – обрадовался дородный. – Рассаживайтесь. Посидим рядком, поговорим ладком.

– Нам задницы рассаживать некогда, – зачем-то ответил за двоих лысоватый, хотя долговязый, вняв совету, покладисто присел на свое только что найденное и оказавшееся неожиданно комфортным сиденье.

– И куда ж ты, мил человек, торопишься? – поинтересовался дородный. – Небось, протест против свалки строчить? Так успеешь еще, тем более что пустое это дело. Опоздал ты с протестами. Свалка-то – вот она. – Он повел рукой, обозначив гостеприимного вида полукруг. – Вот я и говорю, садись, в ногах правды никакой. А если на сериал новомодный спешишь, так тем более не опоздаешь. Их по утрам повторяют, а если даже какую серию пропустишь, все одно не заметишь. Они все одинаковые. И серии и сериалы. В них даже актеры одни и те же играют.

– Мне пустым заниматься некогда – сериалы смотреть, – нахмурился лысоватый. Чувствовалось, что он возражает лишь из упрямства и, очевидно, присущего ему чувства противоречия. – Мне б мусор выкинуть.

– Так и бросай, коль нестерпимо, – предложил здоровяк.

– Но куда! Контейнеры-то убрали.

– Тебе что же, целой свалки мало? – подивился здоровяк. – Бросай куда хочешь, свалка – она большая, все в себя примет.

– Ну... я, право, не знаю, – пробормотал лысоватый. Он растерянно почесал затылок. – Не положено так, чтоб мусор где попало раскидывать. Положено, чтоб в контейнер. – Видимо, по причине все той же растерянности он присел на свой проволочный ящик и опять почесал затылок – теперь на другой стороне немалой величины лба. Заметив, что до сих пор держит свое ведро в руке, он поколебался и поставил его рядом, как это недавно сделал долговязый – тот тоже не решился вывалить свой мусор куда попало, хотя места для этого, как справедливо подметил дородный, было предостаточно. – И почему, позвольте осведомиться, на «ты»? – не зная что сказать, вернулся он к старой теме.

– А как вас прикажете величать? – с готовностью поинтересовался дородный.

– Меня зовут Иван Петрович, – представился лысоватый, – а его... – Замявшись, он вопросительно посмотрел на соседа.

– А меня... – Тот тоже не договорил.

– Будешь Интеллигентом, – оборвал его здоровяк. Его голос прозвучал безапелляционно, было совершенно очевидно, что никакие возражения в расчет приняты не будут. – А ты... – он окинул лысоватого оценивающим взглядом, – будешь Общественником. Этого достаточно, да и короче так, чем Иван Петрович или Петр Иванович, не говоря о каком-

нибудь совсем уже Пантелеймоне Акакиевиче. Мы тут все люди свои, нам друг перед другом в пустых любезностях рассыпаться незначит. Возражения имеются?

– Почему это я буду Интеллигентом?

– Почему это я Общественник? – в один голос запротестовали двое.

– Ты вон очки носишь, а ты жалобы почему зря строчишь, протесты никчемные заявляешь, – авторитетно пояснил здоровяк. – Вам обоим подходит.

– Откуда вы знаете про очки? – заинтересовался долговязый. – Я ж без очков мусор выносить пошел. Просто забыл их дома.

– А шуришься, когда смотришь, – блеснул наблюдательностью здоровяк. – Так по жизни только интеллигенты очкастые делают. Больше никто. Нормальному человеку глаза узить ни к чему.

– По-вашему, очки носят только интеллигенты? – ехидно поинтересовался лысоватый. Очевидно, опять из чувства противоречия. С занесением же себя в общественники он, как ни странно, кажется смирился. Сразу и безоговорочно. Возможно, этому поспособствовала непрошибаемая невозмутимость здоровяка. Тот смотрел и говорил веско, так смотрят и говорят люди, знающие себе цену и ведающие в жизни толк.

– А кто еще? – удивился здоровяк.

– Ну, кто... люди с плохим зрением, кто ж еще! – воскликнул опешивший от такого ответа Общественник. – Неужели, по-вашему, люди надевают очки для того, чтобы показать свою интеллигентность?

– А то! – подтвердил здоровяк. – Именно для этого и надевают. Очки, а еще шляпу и галстук. Но если хочешь обоснование научное, то изволь. Соорудим тебе и таковое... Отчего человек зрение теряет? – Общественник молча пожал плечами и он продолжил: – Оттого что над книжками корпит. А кто над книжками бесполезными корпит, тот свою ученость показать хочет. С помощью знаний, которые он с помощью тех книжек вроде как набирается... – Здоровяк пошарил в карманах, достал мятую пачку «Примы», неспешно прикурил, а двое терпеливо ждали продолжения. – Ну, насчет приобретения знаний – оно вопрос спорный, а вот очки, теряя на книжках зрение, человек зарабатывает надежно. А если и не зарабатывает, то просто так их цепляет, словно все же удалось теми книжками ума начерпать. А потом привыкает и без линз своих не может уже ни в какую. А дальше – по нарастающей. За очками галстук и шляпа с неперменным каждодневным бритьем и прочими парфюмерными ненужностями следуют... Вот так примерно все и происходит.

– Интересная теория, – пробормотал ошарашенный таким объяснением Общественник.

Интеллигент не сказал ничего. Некоторое время двое сидели, переглядываясь, а здоровяк невозмутимо попыхивал сигаретой.

– А как вас самого изволисте величать? – наконец не выдержал Общественник.

– А зовите меня просто. Бывалый, – предложил здоровяк.

– А и вправду! Вы похожи на...

– На того шута из кинофильма? – перебил Интеллигента здоровяк. – Ну, разве что габаритами, не более того. Нет, я Бывалый иного рода, я Бывалый новой, если угодно, формации.

Прозвучало интригующе, но уточнить, что это значит, никто из двоих не решился. Непонятно было, чем представители загадочной новой формации отличаются от формации старой, оставалось только надеяться, что эти новые не страдают какими-то опасными для здоровья собеседников излишествами – к примеру, не бьют их неожиданно по голове опустевшей в процессе распития бутылкой или не выкидывают какие-либо другие неприятные штучки.

Интеллигент с Общественником переглянулись в очередной раз и опять устались на визави. Только сейчас двое заметили, что, вольно или невольно, они с представителем

принимающей стороны расселись среди груд мусора таким образом, что образовали некий условный круг с небольшой площадкой посередине, и это наталкивало на некоторые мысли. Расположение и количество собравшихся словно обязывали последних к чему-то.

– Сообразим на троих? – ловко материализовал эти мысли, преобразовав их в звуковые колебания, Бывалый.

– А есть что? – поинтересовался, оживившись, Интеллигент.

– Я не пью, – строго предупредил Общественник.

– Жабры сохнут? – понимающе подмигнул Интеллигенту, не обращая внимания на заявление Общественника, Бывалый. – Это ведь из-за вчерашнего женушка устроила тебе разнос? То-то ты мусор добровольно бросился выносить, чтоб предлог был из дому хоть на какие десять минут сбежать. Ведро-то полупустое.

– Ну да, – подтвердил, пораженный его осведомленностью, Интеллигент. – Если честно, пришлось вчера слегка злоупотребить. У сослуживца статья научная в журнале вышла. Ну, посидели малость, не без этого. Только откуда ты можешь об этом знать?

– А от жены твоей, откуда еще. Кричит она у тебя больно громко. На всю округу слышать.

Интеллигент оглянулся, прикидывая расстояние от окон своей квартиры до холодильника на свалке, покачал в сомнении головой, но что-либо возразить опять не решился. У Бывалого на все находились свои, и непременно очень неожиданные, равно как и убедительные, пояснения.

– Ну и чего тогда сидим? – подбодрил собеседников тот. – Ну-ка, быстро, ноги в руки и организуйте приличный стол. Один ищет четвертый ящик и фанерку с чистой газеткой, второй – водку. Ящик – по центру, фанерка – на ящик, газетка – на фанерку, на газету – водка. Все. Ну, можно еще закуской стол украсить, – после секундного раздумья добавил Бывалый. – Она питейному делу не в тягость, а иногда даже пользу может принести.

– Да на что взять-то? – уныло сказал Интеллигент. – Словно я с кошельком в кармане мусор выносить хожу. И до магазина далеко. Да и не закрыт ли он к тому же...

– Я не пью, – повторил Общественник.

– Вы что, забыли, где мы находимся? – опять пропустив его заявление мимо ушей, сказал Бывалый. – Здесь же свалка, ребята. Тут есть все. Абсолютно все, что необходимо для поддержания нормальной жизнедеятельности средних запросов человека. Надо только уметь искать.

– Ну и где, по-твоему, надо искать водку? – поинтересовался Интеллигент. Поинтересовался просто так, чтобы поддержать разговор. Пустопорожность этого разговора неожиданно начала ему нравиться.

– А где приличные люди держат водку? – ответил Бывалый встречным вопросом.

Интеллигент не выдержал, рассмеялся.

– В холодильнике? Ты что же, на полном серьезе полагаешь, что в этом холодильнике, что за твоей спиной, стоит, дожидаясь употребления, водка?

– Ты бы лучше не умничал, не разводил свои интеллигентские разговорчики, а приподнял бы зад да проверил, – проворчал Бывалый.

Интеллигент даже не решился поинтересоваться, почему заниматься заведомо бесполезным делом, то есть проверять наличие в бесхозном холодильнике водки, должен именно он, почему бы Бывалому не сделать это самому – настолько большой авторитет этот человек наработал за считанные минуты разговоров ни о чем. Интеллигент просто встал и подошел к холодильнику. Затем не без некоторой брезгливости взялся за проржавевшую ручку-рычаг, дернул, дернул еще раз, еще... Когда дверь поддалась, он по инерции, усиленной неожиданностью, отпрянул, потеряв равновесие и едва при этом не упав. Когда же он разглядел содержимое средней полки, то едва не упал вторично – теперь уже от удивления. Хотя, чему

было удивляться, ведь сегодняшний вечер не скупился на чудеса... На полке морозильного агрегата стояла, конечно же, водка. Несколько бутылок искомого, запотевшего от легкого морозца продукта.

– Чего притих? – вывел его из столбняка голос Бывалого. Очевидно, тот просто ленился, или по каким-то другим причинам избегал даже малейших телодвижений – к примеру, элементарно заглянуть за угол холодильника, служащего опорой для собственной спины. – Нашел, спрашиваю?

– Н-нашел... кажется, – кое-как выдавил из себя Интеллигент, недоверчиво глядя на водку. Прикоснуться к бутылкам он пока не решался.

– Так тащи ее сюда, чего попусту пялишься... А ты чего сиднем расселся? – подбодрил Бывалый Общественника. – Кому было дано задание соорудить приличный стол?

– Вообще-то я не пью, – напомнил тот, послушно, однако, поднимаясь. – Вам двоим надо, сами бы и соорудили...

– Вот... – Интеллигент водрузил на походный стол бутылку, держа ее осторожно, двумя пальцами, словно та была горячей или могла неожиданно взорваться прямо у него в руке.

– Ты чего? – спросил Бывалый. – Это ж водка, не бомба.

– Да... не верится как-то.

– Во что не верится-то? А что ты еще рассчитывал найти в холодильнике, как не запотевшую бутылочку? Вот кабы б ты обнаружил в нем расчлененный труп или три кило тротила... Кстати, сколько ее там?

– Водки? Кажется, еще три штуки стоят, – неуверенно выговорил Интеллигент. Он постеснялся признаться, что, схватив бутылку, поспешил быстрее захлопнуть этот фантастический холодильник – происходящее пугало его, он еще не привык к реальности столь нереальных событий.

– Три? Отлично! – Бывалый обрадованно потер ладони. – Для разгона в самый раз будет. А закуска там есть?

– Я... я как-то не посмотрел, – виновато признался Интеллигент. – Я только одну полку обследовал. Там ниже, кажется, еще какие-то свертки лежат.

– Эх ты! Интеллигенция! Ох уж мне эти вечные ваши метания, сомнения, поиски смысла жизни и справедливости. «Кажется, кажется»... А ну, быстро осмотреть все полки и доложить! К водке неплохо бы черного хлебца да баклажанной икорочки с плавлеными сырками в довесок... А ты чего бы хотел? – спросил он у блестяще выполнившего поставленную перед ним задачу Общественника.

– Я не пью, – как заведенный повторил тот.

– Вот... – Интеллигент выложил на стол нарезанный кирпич черного хлеба в целлофановой оболочке, банку баклажанной икры и кучку плавленых сырков.

– Ага, прекрасно! – обрадовался Бывалый и, опять азартно потеряв ладони, посмотрел на Общественника со значением. – Кто у нас заведует столом и, соответственно, столовыми приборами?

– Где я их вам возьму, – буркнул тот, однако опять послушно встал, дожидаясь очередных распоряжений.

– А где обычно хранятся столовые приборы? – принялся экзаменовать его Бывалый. Общественник пожал плечами.

– Ну... в кухонных столах, в буфетах.

– Ага, сам все прекрасно соображаешь, а пошевелить лишний раз мозгой не желаешь. Конечно, в кухонных столах, где ж еще. Так во-о-он тебе стол, видишь? – Бывалый подбородком указал направление. – Вон, здоровый, который полосатой клеенкой покрыт. Видишь, за грудой кирпичей его краешек виднеется. Тащи оттуда пару-тройку чистых тарелок, вилки, консервный нож и прочие необходимые для культурного досуга атрибуты... – Он

словно не допускал мысли, что в столе может не оказаться перечисленного. – Да! стаканы еще не забудь! – крикнул он удаляющемуся Общественнику в спину. – Не пить же нам, как распоследним алкашам, из горлышка! Мы, как-никак, люди интеллигентные!

Он подмигнул Интеллекту, а тот даже ничуть не удивился, когда пошедший за добычей Общественник вернулся с необходимым инструментарием. Он только внимательно посмотрел на Бывалого, который наконец решил тоже принять участие в приготовлениях. Он взвалил на себя самое главное – ответственность вскрыть бутылку лично.

– Все чистое, – тоже почти без удивления доложил Общественник, сноровисто раскладывая на столе приборы. Он, как и Интеллигент, кажется, начинал привыкать к чудесам. – Можно даже сказать, стерильное. Просто не верится.

– Чтoб вам всем! – произнес тост Бывалый и, резко запрокинув голову, первым осушил наполненный до половины стакан.

– И тебе того же... – Интеллигент выпил свою водку осторожно, чутко прислушиваясь к внутренним ощущениям, словно сомневался, приживется ли она в его похмельном желудке.

– Я не пью, – напомнил Общественник, и тут же лихо, залпом, почти как Бывалый, осушил свою долю. Смачно крикнув, он потянулся к закуске, и Бывалый быстро подsunул ему ломоть черного хлеба с горкой баклажанной икры...

– Хорошо сидим, ребята, – сказал Бывалый после второй, когда у присутствующих покраснели лица, а движения приобрели характерную для поправивших здоровье людей плавность. – Но чего-то не хватает, однако.

– Женщин? – предположил Интеллигент.

– Может, и их, – согласился Бывалый. – Таких, знаете, ядреных, в теле, не из каких-нибудь там новомодных фотомоделей.

– А я б и на фотомоделю согласился, – неожиданно для себя брякнул Общественник, хотя только что хотел заявить, является человеком нравственным, и посему сомнительные разговоры о противоположном поле поддерживать не намерен.

Бывалый посмотрел на него одобрительно.

– На глазах исправляешься, – сказал он. – Значит, нынешние общественники не такие уж ретрограды, какими хотят казаться.

– Кстати, о женщинах. Вот вы недавно упомянули про свадьбу и член, – вдруг припомнил Интеллигент. – Он что же, по-вашему, на свадьбе непременно стоит?

– А что ему еще делать, – подтвердил Бывалый, – на свадьбе-то... Не висеть же безвольным мясным куском, что на крюках в магазине. Конечно, стоит, предвкушает скорое общение с невестушкой.

– Ясно... – Общественник покачал головой. – Ловко это у вас получается. На все свои пояснения имеются.

– Так на то я Бывалый, – напомнил Бывалый. – Неспроста ж. И потом, мы же договорились на «ты»...

Трое помолчали.

– А если... – начал было после третьего стакана что-то говорить Общественник, но был прерван повелительным возгласом Бывалого:

– А ну, ловите! – Порыв налетевшего невесты откуда ветра как раз проносил перед ними ворох пожелтевших газет. – Вон ту ловите, которая посветлее, она сегодняшняя!

В самый последний момент Интеллигент изловчился схватить газету, на которую указал Бывалый, и споро, в три заученных движения, расправил ее на коленях. Эти жесты выдали в нем человека, имеющего в работе с печатными изданиями немалый опыт.

– Ловко ты это, – признал Бывалый. – Сразу видно человека ученого. И что нынче пишут?

– Правда, зачитай что-нибудь вслух, – поддержал его Общественник. – А то я с сегодняшними новостями не успел ознакомиться. Уже хотел было к внимательному изучению прессы приступить, да решил сначала мусор вынести. А тут такое дело... – Словно очнувшись от наваждения, он обвел недоверчивым взглядом свалку, двух собеседников-собутыльников, гостеприимный стол, и тряхнул головой, будто пытаясь проснуться, отогнать назойливое видение. – Так и остался без свежих новостей.

– Плохо тебе, брат, без новостей? На-ка, тогда, подлечись. – Бывалый незамедлительно всучил ему стакан и Общественник, подобно зазомбированному преступной сектой простаку, заученно поднес водку к губам.

– Ага, вот! – Интеллигент возбужденно вскинул голову, прикоснулся пальцем к переносице, поправляя несуществующие, забытые дома очки. – Что я говорил! Нет, вы только послушайте, что пишут! И куда только катится страна, если в газетах такое... такое...

– Ну, к примеру, какое? – подбодрил его Бывалый.

– А вот, пожалуйста, слушайте. Объявление из рубрики «Здоровье». Ну и ну, что на свете творится...

И Интеллигент срывающимся от негодования голосом зачитал следующее:

Объявление

Доктор медицинских наук Борис Крупов приглашает к сотрудничеству красивых девушек и молодых женщин.

Только в моей домашней клинике, с помощью квалифицированного специалиста Вы сможете приобщиться к маленьким радостям большого предвкушения прекрасного.

С присущей мне аккуратностью и врожденным чувством такта в кратчайшие сроки разработаю Ваш анус до уровня мировых стандартов. По желанию клиентки можно ограничиться евростандартом (сокращенный курс).

Сертификация качества в полном соответствии с последними требованиями ЕС. Работа с самыми запущенными ягодицами!

Опыт. Гарантии. Цены умеренные. Мягко, но настойчив. Ласков, но решителен. Работа с огоньком. Экологически чистый, сертифицированный инструмент. За отдельную плату не исключен выезд на дом.

Прочувствуйте разницу. Вам не придется стесняться Вашего ануса. Остерегайтесь подделок!

С новым, улучшенным в моей клинике анусом Вам не будет стыдно показаться на песках Турции и Египта!

Спешите! В преддверии пляжного сезона количество заявок ограничено!

Д-р Крупов, ул. Медицинская 5, кв. 12 (коммунальная), вход со двора.

Три звонка – 2 дл., 1 коротк., спросить Борю (в разговоры со старыми сплетницами не вступать).

Пейджер №012343210, а\я 1001.

– И как вам это нравится? – закончив чтение, взволнованно спросил Интеллигент.

– Не понимаю, с чего ты так возбудился, – сказал, пожав плечами, Бывалый. – Этот Боря своего не упустит, я таких хватких уважаю. И занятие выбрал по душе, не абы какое. С женскими-то мягкостями взаимодействовать, небось, куда приятней, чем токарем возле железного станка в три погибели крючиться или, опять же, свою личную задницу в депутатах просиживать. Хотя, депутатствовать – оно тоже неплохо. Им взятки дают, а взятки разными бывают, не обязательно денежными. Теми же женскими округлостями в банном сопровождении, к примеру, тоже зачастую перепадает.

– Таких объявлений нынче полно, – неожиданно согласился с ним Общественник, хотя Интеллигент в первую очередь надеялся на его поддержку.

– А ты сам женат? – спросил он.

Общественник неопределенно пожал плечами, а Бывалый понимающе кивнул:

– Так вот чего ты суетишься, интеллигенция. Боишься, как бы твоя женушка не побегала к такому Боре приводить свои запущенные ягодицы в порядок, в соответствии с последними требованиями ЕС. Если такое произойдет, сам же и виноват окажешься. Ягодицы своих жен сами мужья должны в порядок приводить, а не какие-то там доктора, пусть даже сертифицированные в коммунальных квартирах.

– Они у моей жены не запущенные! – запальчиво выкрикнул Интеллигент. – И я попросил бы!

– Да ты не горячись, не горячись, – примирительно сказал Бывалый. – Ходить к врачам, между прочим, дело неподсудное. За такое не привлечешь. Ни пациента, ни того Борю Кру-

пова... А вот взять, к примеру, хотя бы вас обоих. – Бывалый с хитрым прищуром окинул взглядом собутыльников. – Сами-то, случаем, никогда ничего не нарушали?

– Я законопослушный гражданин, – не без некоторой напыщенности произнес Общественник. – Мне пришить нечего, можешь не стараться. Я действительно ничего не нарушаю. Ничего и никогда.

– Иногда и самый законопослушный может запросто по мордасам схлопотать, – как бы между прочим заметил Бывалый. – Только не подумай ничего такого, – добавил он, заметив, как поежился Общественник, – это я так, к слову. И, между нами – по делу схлопотать, не за просто так. Иногда искренне считаешь, что ничего не нарушаешь, а на самом деле...

– Это как так? – заинтересовался Интеллигент.

– А вот так. Станешь, хотя бы, газету чужую без спросу читать – глядишь, по сопатке и заработал. И поделом – нечего на чужое зариться. – Он усмехнулся, заметив, что Интеллигент поспешно свернул и отложил газету в сторону. – Да не про тебя, не про тебя речь, – успокоил его Бывалый, – говорю же, это так, к слову. – И заметив, что от него ждут объяснений, махнул рукой: – Ладно, наливайте, что ли. Сейчас расскажу...

И Бывалый поведал следующее:

Издержки демократии

Издержки демократии ИЛИ Минздрав предупреждает: чтение чужих газет опасно для Вашего здоровья

Один законопослушный гражданин ехал в троллейбусе и газету читал. А второй, не менее законопослушный гражданин, через плечо ему заглядывал и тоже его газету читал. Ну, читали себе и читали. Ничего особенного. А третий гражданин бдительным оказался, заметил, что второй у первого бесплатно подсматривает, и сообщил ему об этом. Первый пожал плечами и дальше себе читает. А третий гражданин не успокоился и начал первому объяснять, что нехорошо это, когда у тебя через плечо забесплатно читают. Что разгильдяйство это, и что через такое разгильдяйство коррупция с демократией образуются, а потом от них страна разваливается. А все с газеты невинной начинается, когда свою не покупают, а у других задарма подсматривают.

Проникся первый гражданин такими пояснениями, газетку свою свернул, с этим третьим временную антикоррупционную коалицию организовал, да вдвоем они тому гражданину второму, что забесплатно читал, любопытную-то физиономию и набили. А потом и другие граждане из троллейбуса, когда им все толком про демократию объяснили, в ту коалицию вступить пожелали, а вступив, к акту торжества справедливости с азартом и подключились. Впервые им настоящего коррупционера вживую увидеть довелось, а до того – все по телевизору только. Дружно набили ему все, что положено в таких случаях бить, а потом этого проворовавшегося демократа с позором из троллейбуса высадили. Довольно аккуратной высадка получилась, хотя и с падением небольшим – ну да все равно ему ничего не будет, он округлый и мягкий, потому как на ворованном раздобыл. Пусть пешком ходит, а газеты за свои личные средства покупает, вместо того чтобы трудовой народ обирать. Мало им, что денежки общественные присваивают, так они еще повадились информацию из чужих газет воровать.

Вот такая история. А к чему она, история эта? А ни к чему. Просто нечего на чужое зариться, вот к чему. Из-за такого антиобщественного поведения всякие перестройки с ускорениями образуются, а в итоге крепкая страна разваливается. Это самим Горбачевым доказано, а он человек умный, даже лысину в доказательство того носит.

Ну, а если все же не утерпел, соблазнился чужим, то хотя бы втихаря, через плечо читай, чтобы не заметили и морду не набили. Особенно если ты эту морду нажрал круглую и лоснящуюся. Демократическую, одним словом, такую, которыми по телевизору трудовой народ дразнят. Тогда, с мордой такой, не то что чужих газет задарма не читай, тогда лучше вообще на троллейбусе ездить забудь. Народ у нас хоть и дружелюбный, а коррупционеров – ох, как не любит.

Вот и все. Конец истории.

– Хм... поучительно, – признал Общественник. – Впечатляет история, и для здоровья такие вещи знать полезно. Я раньше и не задумывался как-то, что начнешь чужую газету через плечо читать, так тебя за демократа принять могут. И физиономию набить, соответственно.

Интеллигент ничего не сказал, только, словно невзначай, отодвинул газету подальше. – Ага, вот и бабоньки пожаловали, – обрадованно произнес Бывалый.

Двое чересчур суетливо обернулись и увидели высокую девицу, пробирающуюся к ним через неприступные груды мусора. На высоких каблуках делать это ей было нелегко даже при короткой, не стесняющей движений плохо сгибающихся ног, юбке. Прическа девицы была современной, с искусно растрепанными волосами, а щеки украшал умело нарисованный румянец.

– Здравствуйте, господа, – поздоровалась запыхавшаяся девица, выйдя на приемлемую для общения дистанцию.

– Где ты видишь господ, дуреха неумытая, – вежливо возразил Бывалый. – Люди мы. Просто люди. Мирные. Сидим, выпиваем, никого не трогаем. Но и нас трогать не советуем. А не то...

– Я никого трогать не собираюсь, – поторопилась заверить его модная девица. – Я тоже мирная. Заблудилась я. Помогите. И не неумытая я, просто макияж слегка поплыл. Плакала я. – Она покопалась в сумочке, извлекла из нее зеркальце и, сунув сумочку обратно в подмышку, принялась прихорашиваться.

– Вы, девушка, наверное, не местная, – предположил Интеллигент доброжелательно, с не меньшей доброжелательностью глядя на ее коленки. Нарочито разлохмаченный край модной джинсовой юбки заканчивался сантиметров на десять выше этих приятных на вид, пусть и слегка испачканных землей, округлостей.

– Почему это не местная, – кажется, обиделась девица. – Всю жизнь здесь неподалеку живу, только свалки этой никогда не видала. – Она перехватила взгляд Интеллигента, опустила глаза, ойкнула, опять порылась в сумочке, извлекла платок, посплунув на него, опять зажала сумочку в подмышку, нагнулась и принялась тереть платком колени. – Не смотрите. Упала я. Со всяким может случиться.

– А куда вы хотели попасть, девушка? – поинтересовался Общественник участливо, с не меньшим участием глядя на ее обмякшую без присмотра лифчика грудь. – Вы конкретный адрес назвать можете? Я здесь все знаю, могу подсказать.

– Адрес? Сейчас... – Девица опять открыла сумочку, бросила в нее зеркальце и платок, достала теперь сложенную вчетверо газету, зашелестела, отыскивая нужную страницу. – Ага, вот. Улица Медицинская 5. Знаете такую?

– Вы, верно, к доктору Крупову, по поводу усовершенствования своего ануса?

Девица почему-то покраснела, хотя вопрос, заданный Бывалым, был совершенно невинным и даже деловым.

– Так вы знаете такую улицу, или нет? – с легкой нервозностью спросила она и, смежив Бывалого уничижительным взглядом, демонстративно отвернулась, давая понять, что расположена разговаривать с более дружелюбно настроенными людьми, такими, к примеру, как двое его собутыльников.

– Вы, наверное, к Крупову, подгонять анус под последние директивы ЕС? – оценив ее доверие, дружелюбно спросил Общественник.

– Я, между прочим, фотомодель! – вспыхнула, не выдержав издевательств, девица. – Я вам не какая-нибудь, из подворотни! Я, если хотите знать, только что с подиума! И требую соответствующего к себе отношения!

– Вы б не заводились, девушка, поберегли б свои девичьи нервы. Лучше б присели, поддержали б компанию. – Бывалый сделал знак Общественнику и тот, резво сорвавшись с места, через два десятка секунд вернулся с традиционным проволочным ящиком. – Фотомодель, говорите... – Бывалый уставился на девицу и некоторое время внимательно изучал примерно трехдневной давности, лилового оттенка гематому вокруг ее левого глаза. – Выходит, сгибать ноги при ходьбе отказываетесь не по болезни, а по форсу своему фотомодельному... Ясно. Ну, а выпить, как любая из ваших, небось, не прочь?

– Я пью исключительно дорогое шампанское, – предупредила девица. Она посмотрела на водку, поморщилась и, поджав губы, строго повторила: – Да, исключительно. Фотомодели – девушки особые. Не заставляйте меня об этом напоминать. Прошу проявлять ко мне должное уважение.

– Вот и ладно, что особые, – порадовался за девицу Бывалый и немедля всучил ей граненый стакан. – Давайте, ребята. За знакомство. Кстати, и с обозначением статуса нашей гостьи проблем не наблюдается – фотомодель, она Фотомодель и есть. Значит, не станет, услышав соответствующее обращение, обижаться попусту, как некоторые давеча.

Общественник насутился, но ничего не сказал.

– Вообще-то, мне нельзя. У меня кастинг на носу, – пробормотала девица, отворачиваясь от стакана, который держала подальше от себя, удерживая его двумя пальцами за края с подчеркнутой брезгливостью.

– Вот и давай за кастинг. Святое дело.

Гостья зажмурилась, залпом выпила, закрыла ладонью рот, как делают в стремлении сдержать рвотный позыв, а Бывалый быстро отобрал у нее опустевший стакан и взамен ловко вложил в руку бутерброд с баклажанной икрой.

– Нормальная девка, – одобрительно сказал он, подмигнув Общественнику с Интеллектом. – Хоть и с подиума. Ну, давайте, что ли, тоже... Чтоб вам всем, короче.

– А кроме «чтоб вам» ты какие-нибудь тосты знаешь? – поинтересовался Общественник.

– Да сколь угодно, – подтвердил Бывалый. – Например, «будем». Он даже лучше, потому как короче и по жизненному смыслу объемней. А остальные – длинные все. Пока дослушаете, вся водка выдохнется. – Все с явственным интересом ждали продолжения, и он сдался: – Ладно, черт с вами. Вам какой, про красивых девушек, или про то, как преступные врачи безвинным людям почки злодейски вырезают?

– Про почки, конечно! – в один голос громко воскликнули Общественник с Интеллектом.

Девица, у которой после выпитого еще не восстановилось дыхание, только слабо что-то пискнула и отрицательно покачала головой.

– Ладно, про девушек так про девушек, – согласился Бывалый, чем заслужил ее благодарный кивок. – Не то нашу гостью стошнит, а нам за столом подобные желудочные излишества ни к чему. На-ка вот, болезная, прими, полегчает. – Он всучил девице второй стакан и торжественно приподнял свой. – Итак, слушайте...

И провозгласил тост следующего содержания:

Длинный тост

Длинный тост про девушку-красавицу, встретившую другую девушку, тоже красавицу

Шла по улице девушка. Задрал нос, шла, потому что очень красивой была. Из тех, что никого вокруг не видят, потому что другие не очень красивые, а посему не годится такой красивой девушке всяких некрасивых людей замечать.

Шла по улице другая красивая девушка. Тоже, задрал нос, шла, потому что тоже очень красивой была. На других людей она вообще никогда не смотрела, даже не подозревала об их существовании, а смотрела только на себя, в зеркало смотрела, потому что по-другому себя не увидишь, а смотреть очень хочется.

Шли эти красивые девушки навстречу друг другу, шли-шли да и столкнулись лбами. Потому что никого вокруг не замечали. Из принципа не замечали – еще чего не хватало! Стокнулись, упали, шишки на своих красивых лбах понабивали, хотели было разреваться, да вовремя спохватились. Негоже таким красивым девушкам на потеху некрасивым завистливым зевакам реветь. Встали, шишки свои свежие потеряли сердито, да и разошлись, носики припудренные задрал, по-прежнему ни на кого принципиально не глядя.

Но не в этом дело. А в том оно, что по дороге в это время двое террористов-шахидов на краденых автомобилях проезжали. С тротилом на борту. Тоже краденым, между прочим, тротилом, что еще более усугубляло. Один ехал взрывать Дом правительства, а второй ехал взрывать тоже Дом правительства, только совсем другой дом и совсем другого правительства, совсем в другой стороне расположенный. Поэтому они тоже навстречу друг другу ехали, получается. И засмотрелись эти двое шахидов-смертников на двух красивых девушек, да тоже столкнулись. И тоже лбами. Тротил взорвался, смертники, как и положено смертикам, погибли, а народ ничуть не пострадал. И Дома правительств, что в разных районах так удачно расположились – тоже. Таким образом, все благополучно для всех и завершилось.

Так выпьем же за красоту, которая спасает мир лучше любого, самого навороченного спецназа! За красоту вообще, и за красивых девушек в частности. За них – даже в первую очередь, разумеется. Потому как красивые.

– Господи, какая красивая история... – Фотомодель смахнула набежавшую слезу и, охваченная сильными чувствами, механически выпила. – И романтическая... – отдышавшись, добавила она. – А шахиды те кавказцами были?

– А то кем еще, – пожал плечами Бывалый. – А тебе чего, жалко их, что ли?

Фотомодель тоже пожалала плечами.

– Ну, не то чтобы... Носки, конечно, у них дюже пахучие, но за девушками они своими руками волосатыми ухаживать умеют здорово, этого не отнимешь. Девушки такое возвышенное к себе отношение ценить умеют.

– Давайте же, однако, решать вопросы, товарищи, – ожил, тоже благополучно отдышавшись после принятия спиртного, Общественник. К нему, кажется, вернулись утерянные на время деловитость и жажда общественных действий. – Итак, что мы имеем? Мы имеем Фотомодель, которая ищет доктора Крупова для... для... – Он замялся, подыскивая подходящую, не травмирующую нежную девичью душу формулировку, чем мгновенно воспользовался Бывалый:

– Может, ей вовсе и не к Крупову надо, – предположил он.

Что-то в его тоне заставило девушку насторожиться.

– А к кому? – подозрительно, не ожидая ничего для себя хорошего, спросила она.

– А ты, случаем, не феминистка? – в свою очередь спросил Бывалый.

– А что?

– А то. Тогда с Круповым можно и повременить. Конечно, его тебе, как и любой другой фотомодели, навестить не помешает, но есть и более актуальные дела. Сначала неплохо бы на собрание сходить, чтобы от своих опытных товарок четкие инструкции получить.

– Да что за собрание-то! – разозлилась Фотомодель. – Что за инструкции? Какие еще товарки! Можно сказать толком?

– Ладно, слушайте толком, – согласился Бывалый. – В общем, про собрания феминистические история эта. И душещипательнейшая, надо отметить, история.

Он посмотрел на изобразившую безразличие Фотомодель, на замерших в предвкушении чего-то интересного Интеллигента с Общественником, и рассказал следующее:

Требуются феминистки

Требуются феминистки. Срочно

Потому и организовались в организацию, чтоб скучно не было, а звучит красиво. Ну, а раз феминистками обозвались, надо что-то делать. Лучше даже меры к чему-нибудь принимать, чтоб название свое непримиримое оправдать. Но сначала пересчитались, конечно, так положено. Организация-то почти армейская получилась, а это налагает и обязывает. Дисциплина! В общем, пока их с два десятка примерно набралось, но еще примкнуть обещали. Для начала хватит, короче. Делать-то что? Нет, ну что против мужиков надо выступать – это-то понятно. Но конкретно?

И тут повезло. Эти личности никчемные сами против себя и подсобили. Те, которые роду мужского, антагонистического, да еще в депутатах заседают. От жиру и нечего делать законопроект, подлецы, наметили. Чтоб аборт, мол, запретить. Значит, надо обязательно против быть, на то и феминистки. Тем более – как мужики посторонние не в своих абортах разбираться могут? Зато хитрить, надо отдать им должное, здорово наловчились. Объявили, чтоб не придраться было: для демографии в виде деторождения, дескать, все это затеяно. Одно слово, подлецы!

Стали присматриваться – где б задуманную акцию провести. И поняли, что лучшего места, чем возле клиники Бонча-Бруевича, не найти. Потому что гинекологическое то место. Кабинет у него там, абортариум так прямо красиво и называется.

Ну, нарисовали плакатов, пошли к Бончу-Бруевичу договариваться. Тот поддержке своих аборт, обрадовался, чаем напоил, а еще обещал пищей горячей периодически подбадривать. Чтоб стоять им возле абортария и не уходить никуда.

Ну, встали, плакаты развернули, постояли... Дамочки не примкнувшие останавливаются, плакаты про мужиков, которые сволочи, читают, а потом дальше себе идут. Ну, хвалят еще некоторые иногда. А те, что на аборт к Бончу-Бруевичу шли, так они и без того на аборт свои шли уже. И без плакатов всяких сообразили – что надо так. Что прогрессивно это, и в духе времени, и вообще. Короче, надо и все. Ну и что за толк с такой акции? Неинтересно феминисткам показалось бездействовать так. Активнее бы надо. Стали тогда сами к не примкнувшим дамочкам подходить, просвещать. За аборт, полезные, которые против мужиков нацелены, агитировать. Как увидят дамочку с животом, тут же подбегают кучно и в абортарий уговаривают. Надо, мол, чтоб против мужиков все было, объясняют. Нельзя нынче с животом ходить, нынче аборт делать надобно. Ситуация нынче в мире такая сложилась, что надо. Чтоб непременно поперек.

А дамочки беременные – кто пугается, а кто и вовсе в крик, чтоб отстали. Не продвинутые, одним словом, в основном попадались. Значит, смекнули феминистки, дамочки эти или к агитации невосприимчивые, или их, мужикам поддавшихся и залетевших, на более ранних стадиях отлавливать надо. А тем, что с животом большими – им, наверное, поздно уже. И делать и объяснять – все поздно. Слишком уже далеко глупость их зашла.

Поменяли тактику, стали к прохожим внимательно приглядываться. Высмотрели одну молоденькую, что вела себя подозрительно, и к ней:

– Вам нужно срочно к Бончу-Бруевичу! Аборт вам, дамочка, делать пора. Прямо сейчас, незамедлительно, не то потом поздно будет!

А та в обморок грохнулась, еле откачали дуреху впечатлительную.

– Как вы узнали, – спрашивает, очнувшись, – если я сама еще не в курсе. Я даже ответов на тест еще не получила. И что будет, если муж мой бесплодный про это узнает? Нет, вы правда уверены, что я залетела? А может, нет у меня ничего?

И опять рыдать – насилу валерьяновым корнем успокоили...

Опять, значит, промашечка вышла. Теперь уже с диагностикой беременности на ранних стадиях промашка. Многие не догадываются, что давно с абортами ходят, но и со стороны это дело тоже не рассмотреть. Ну и как тут быть?

Пока думали, тут опять мужики-сволочи сами же против себя подмогли. Тот закон про запрет абортотв не прошел у них почему-то, так они тут же другой, стервецы, учудили. Надо, дескать, их разрешить. И даже, возможно, денежно поощрять.

Ах вы ж сволочи! Как так разрешить? А демография? В общем, опять дело появилось. Нарисовали другие плакаты и опять бегом к Бончу-Бруевичу. Тот чаем их поить на сей раз не стал, даже разговаривать не захотел, зато они ему высказали все, что негодяй действиями своими антидемографическими заслужил. Дескать, сволочь он и нехорошее поощряет. Мало того, что стране вовсю гадит, так еще и деньги на этом зарабатывать не брезгует. Построились возле абортария крепкой акцией и дамочек туда теперь уже не пускают. Нельзя, мол. Раньше можно было, а теперь нельзя. Рожать, мол, надобно, дуры залетные. Сами виноваты. Нечего от мужиков беременеть было.

Те в слезы. Бонч-Бруевич, оказывается, очень уж здорово руку на этом деле набил, очень уж грамотно им те аборты удалял, хапуга в белом халате. Феминистки с сочувствием залетевших товарок слушают, а пускать все равно не пускают. Уговаривают мужьям бесплодным честно во всем признаться и рожать. Так лучше будет. Для всех лучше, и для государства в том числе. Государству тогда демографический приплод в людях положительный образуется, на манер бухгалтерского сальдо.

Объясняют вроде бы хорошо, с доводами вескими, а дамочки непонятливые все одно на своем упорно стоят. Все равно пропустить к преступнику от медицины уговаривают... Задумались феминистки. И чего эти дамочки в мужиках такого хорошего нашли, что даже аборты через то хорошее делать согласны? Задумались, а потом решили сами проверить. Осторожно, конечно, и не на себе. Выбрали одну, недавно примкнувшую, которую все равно не жалко пока, и решили на разведку ее послать.

Ну, надела подопытная юбку покороче, оплакали ее подружки заранее, а тут как раз и идеологические противники в количестве трех штук объявились. Кавказской национальности те противники оказались. Короткое увидели, аж завибрировали от возбуждения. Стали подопытную уговаривать, чтобы с ними куда-то пошла. Обещали показать кое-что. Очень, мол, это «кое-что» интересное, и ей непременно понравится. А уговоры свои – вещественно подкрепляют. Цветами и другими аргументами, на манер крученого коньяка со звездочками. Подопытная всплакнула напоследок, с подругами попрощалась, и пошла врагов скрупулезно проверять. Ушла, и нет ее долго. Видно, затянулась проверка. Видно, непросто оказалось этих кавказцев, науку феминистическую заинтересовавших, исследовать. И неделю ее нет, и две. Третья неделя уже пошла, а ее все нет... А на пятую – объявилась. Только вот заметили ее, к сожалению, поздно, когда она уже от Бонча-Бруевича выходила. Разговаривать с подругами не захотела, мимо быстро прошмыгнула, и в машину. А в машине ее уже не трое, а пятеро кавказцев нетерпеливо ждут. Только тогда и поняли феминистки, что в их ряды затесалась изменщица.

Посовещались они и послали вторую, чтоб проверила, где первая. Та сходилa посмотреть, потом вернулась и доложила: сидит, мол, изменщица в ресторане с восемью кавказцами, и надо ее оттуда срочно вызволять. Похоже, не изменщица она, просто ее взяли в заложницы. Но она ничего, пока держится. Для виду пьет вино, дает себя обнимать, танцует, хихикает. В общем, делает вид, что ей не страшно, но надо бы подругу все-таки выручать. И вот она-то, вторая, этим и займется, выручит лично. И умчалась быстро, ей даже ответить не успели. Умчалась, и тоже нет ее долго – наверное, тоже в заложницы угодила.

Хотели феминистки сгоряча на поиски первых двух подруг третью снарядить, да не решились, слишком уж рискованным дело оказалось, а их и без того мало осталось.

А тут и новая беда подоспела. Мужики, которые депутаты и сволочи, опять новый законопроект удружили. Опять, в общем, аборт те запретить порешили. Пришлось опять к Бончу-Бруевичу на чай и дружбу напрашиваться. Помирились, конечно, в итоге, но только с Бончем. А Бруевич, тот позлопамятнее оказался, все еще дулся на них за что-то. Двое их, оказывается, было, а работали под одной фамилией, чтоб налогов поменьше платить и чтоб звучало солидней, по-научному. Пациенток впечатляло, вот они и расставались с деньгами дополнительными легко, за фамилию обманную приплачивая.

Не успели чай допить – новый законопроект подоспел. Тогда с Бончем опять поругались, а с Бруевичем – и не надо оказалось. Очень даже выгодно с этим Бруевичем получилось, что не мирились с ним.

Только те двое обманщиков бросились чай у них отнимать, а тут опять новый законопроект. И опять отменяющий старый, конечно. Тогда Бонч с Бруевичем еще им чаю подлили, но теперь совсем уже запутались феминистки. Теперь не успевали даже сообразить, какие плакаты в пикет брать. Поняли только, что мужики нарочно так делают, чтоб движение их справедливое окончательно запутать.

Сели опять думать, и тогда кого-то вдруг осенило, что надо делать. Пример надо показывать – вот что. Надо самим забеременеть и с абортами в животах назло тем мужикам ходить – тогда и плакаты не нужны. Тогда любой с легкостью по животам определит, что они категорически против любого подлого законодательства.

С Бончем помирились, с Бруевичем – вроде тоже. Зачем – и сами не поняли. Все равно те двое узнали, что они опять против – и тут же бросились чай отбирать, а потом и вовсе весь их пикет из своего абортария повыгоняли взащей. Ну и хрен с вами. Все вы, гинекологи, подлецы. Хотя бы только потому, что мужики.

Но не успели феминистки в себя прийти, как на них еще одна напасть навалилась – нехорошее что-то в движении их благородном завелось. Изнутри завелось. Некоторые короткое стали самовольно надевать, на каблуках ходить, краситься...

«Зачем, сестры?»

А затем, мол, что хотим сами себе и сестрам по общей борьбе нравиться.

«Но не для мужиков ведь?»

Нет, конечно! Как вы могли подумать! Исключительно для себя. А еще хотим маркетинг углубленный провести, чтоб знать в точности, где у мужиков слабые места и как с ними бороться. И кое-что уже стало проясняться, между прочим. Нами уже точно зафиксировано, что мужики здорово на безволосые ляжки клюют. У них самих подобного добра не имеется, вот они на чужое и засматриваются. Это нами уже в точности установлено, а теперь мы хотим свой маркетинг еще больше углубить – путем решительного появления на публике без лифчиков.

Тут уж в организации полный разброд пошел. Все захотели такого углубленного маркетинга, который без лифчиков, испробовать. И еще чтоб в коротком и с голыми ляжками непременно. А потом процесс и вовсе неуправляемым стал. Все вдруг, не сговариваясь, сели в автобус и поехали пропавших подруг искать, тех, что с кавказскими лицами жизнями своими рисковали. А в автобус запрыгнули в коротком и без лифчиков, разумеется. Но не для мужиков, конечно, а исключительно для себя и соратниц. Ну и для маркетинга еще, конечно. Того, что углубленный.

Приехали, в общем, в гостиницу кавказскую, подруг из заложниц вызволять, да там в итоге и остались. Потому что террористы их моментально с помощью коньяка и волосатых лап самих в заложницы взяли.

Хотя, не все, конечно, в гостинице той террористической на неприятности нарвались. Некоторые от напасти такой убереглись, потому что осторожность необходимую проявили. Они просто до гостиницы опасной не доехали – их прямо из автобуса мужики повытаскивали. Как увидели ляжки безволосые, как разобрались, что под материей тонкой лифчики отсутствуют – так даже не стали разбираться, что феминистки это, и что на опасное задание едут. Не спрашивали даже – не то б им, конечно, ответили!

Так неожиданно и закончилась история эта странная, феминистическая... Крепко пострадали храбрые и принципиальные дамочки от мужиков. За правду свою правильную пострадали.

Зато с Бончом крепко сдружились. И с Бруевичом заодно. Навсегда сдружились, окончательно и бесповоротно. За законопроектами теперь не очень следят, потому что времени свободного маловато – на просвечивание надо ходить регулярно, нельзя это дело на самотек пускать. Тем более, Бонч с Бруевичом отходчивыми оказались, и за оптовые посещения большую скидку скинули.

Да и чай у них – ой, какой вкусный!

– Что с вами, девушка? – елеинным голосом спросил Общественник. – Вам плохо?

– Уж не хорошо, это точно... – плаксиво отозвалась Фотомодел ь. И пронзила Бывалого сердитым взглядом. – Зачем такие страшные истории рассказывать! Теперь мне к Бончу на проверку записаться придется, не то не будет мне покоя. Такая уж я мнительная, хотя с мужчинами никогда никаких дел не имела. Тем более таких, после которых по врачам бегают.

– А как же Крупов? – вставил Интеллигент.

– Хрен с ним, с Круповым, к нему я всегда успею, – буркнула Фотомодел ь. – Мне бы к Бруевичу не опоздать. В этом деле очень важно со сроками определиться.

– Но зачем, – не понял Интеллигент. – Если вы с мужчинами никаких дел никогда не имели.

– Ну, мало ли... – Под любопытными взглядами Фотомодел ь потупилась, и, чтобы скрыть смущение, сняла с правой ноги туфлю – вытряхнуть из нее несуществующий камешек. – Говорю же, мнительная я больно.

– Какой у вас красивый педикулез! – восхищенно воскликнул заметно опьяневший Общественник, глядя на женскую ступню. – Умеете же вы, фотомодели, себя преподнести... Но за что! – сдавленно крикнул он, упав с ящика – рука приложившейся к его щеке Фотомодели оказалась неожиданно тяжелой.

– За слова поганственные, – сердито пояснила та, надевая туфлю. – Будешь знать, как разбрасываться.

– Но я же не сказал ничего дурного, – пролепетал Общественник, с кряхтением взбираясь на свое решетчатое сидалище. Он потер покрасневшую щеку. – Ничего не понимаю... Ох уж эти женщины. Сплошные загадки... Никогда нельзя предугадать, как они отреагируют на комплимент.

– Ты, наверное, имел в виду педикюр, – насмешливо заметил Интеллигент.

– Я и сказал про него, – обескуражено подтвердил Общественник. – А она вдруг... – Он покосился на Фотомодел ь с опаской.

– За базаром, короче, внимательней следить надо, – подвел итог Бывалый и посмотрел на девицу одобрительно. – А ты молодец, за честь свою фотомодел ьную постоять умеешь. Ну а некоторые впредь будут думать, о чем говорят. – И посмотрел на Общественника

с ухмылкой. – Между прочим, считай, что еще легко отделался. Иногда тем, кто слова почему зря путает, в дальнейшем оперативное хирургическое вмешательство требуется.

– Что, и на этот счет имеется какая-то история? – поинтересовался Интеллигент.

– Имеется, – подтвердил Бывалый. – И не одна – много.

– Расскажи хоть одну?

– Ладно, вот вам для начала из личного опыта... Одна девка на меня все скопом обзавалась. Просил я ее, просил, чтобы выражения подбирала, а она... Бабы ж народ упрямый. Хотя и вежливо я ее просил, прошу присутствующих специально это отметить.

– Ну и?

– Ну и упала она. Случайно, конечно. Я девушек рукоприкладством не балую.

– А потом?

– А потом оказалась, что спутала она. Скопидома имела в виду. В кино я ее вроде как не водил, все деньги на водку вроде как тратил. Вот она и бесилась по своей бабьей дури.

– И что?

– А ничего. Разобраться-то мы с ее ошибкой разобрались, да что с того. Челюсть-то без врачей обратно не склеишь. Ну, извинился я, хотя и не за что было, сама виновата. Да и челюсть, если поменьше болтать, срывается быстро, на нее ж врачи проволоочки специальные накручивают. Так что все для всех закончилось хорошо.

– Да, дела-а-а... – Общественник покачал головой и опять потер щеку. – Извините, девушка. И спасибо за науку.

– Ничего, – скромно отозвалась Фотомодел ь. – Всегда рада услужить. Если кому надо – обращайтесь.

– Но и это еще ерунда, – продолжил Бывалый. Он сделал знак Интеллигенту и тот ловко разлил по стаканам на удивление одинаковые, точно выверенные дозы сорокаградусного эликсира. – Есть история куда более забавная.

– Я химик, привык по мензуркам дозированно разливать, – пояснил Интеллигент заинтересованно следящей за его действиями девице.

– Что за история? – поторопил Бывалого Общественник с видом человека, твердо решившего набраться полезного опыта, чтобы больше никогда не приходилось тереть стремительно вспухающую щеку.

– Про автомобилиста, несдержанного на язык, история... В общем, ехал один, ехал на машине своей новехонькой, дорогой. Стал светофор проезжать, знаете, есть такие, которые для всех общий красный выдают, а некоторым – сбоку стрелочка зелененькая, дескать, можно сворачивать, коль нужда такая есть.

– Знаем, видели, – кивнули все одновременно. – И что дальше?

– А дальше тот мужичок на ту стрелочку-то и поехал.

– И что?

– А другой мужичок начал дорогу переходить. Хотя и не полагалось ему – ему как раз красный свет светил.

– А что тот мужик, за рулем?

– А тот окно открыл и кричит тому, второму, что не прав тот, что не хрен под колеса лезть, когда у других стрелка горит.

– А тот что сказал?

– А тот ничего не сказал, просто позвонил куда надо. Дюже активным он оказался. – Бывалый зачем-то покосился на Общественника. – Сказал ментам, что, мол, какой-то бандит его на пешеходном переходе чуть злостно не сшиб, и что бандит тот на свою бандитскую разборку, мол, едет. Что так всем и кричит в окно, ничуть не стеснясь: стрелка, мол, у меня горит, опаздываю, мол, я, а потому уходите с дороги прочь, не задерживайте меня, не то худо будет!

– А что менты?

– А что менты. – Бывалый пожал плечами. – Объявили план «перехват» да поймали того мужичка на выезде из города. Прострелили ему шины, а машину его новую – в решето из «калашей» укороченных превратили. И по заслуженной медали за задержание особо опасного преступника получили. Вот и вся история... А звонившему устную благодарность объявили за сознательность гражданскую. – Он зачем-то опять покосился на Общественника и тот, нахмурившись, прикусил губу.

– А что с тем мужиком, что на стрелку ехал?

– А чего ему? Не убили ж. Живет себе дальше. Попались хорошие хирурги, наладили ему случайно отбитые при задержании почки... А машина – дело наживное. Зато впредь будет думать, прежде чем глупости вслух прилюдно кричать.

– Н-да, поучительная история, – пробормотал Интеллигент. – Оказывается, действительно, за словами следить надо. – Он тоже покосился на Общественника, а вслед за ним то же проделала Фотомодель. Общественник открыл было рот, чтобы сказать им что-то резкое, но его опередил Бывалый.

– Но и это еще ерунда, – сказал он. – Есть истории и покруче.

– Еще круче? – недоверчиво переспросил Интеллигент. – Куда круче-то?

– Есть куда. Про шпиона одного история. Шпион тот тоже на словесной ерундовине прокололся. Совсем как наш Общественник, сплоховал. Спросили его, где закладка.

– И что?

– И то. Взял да и выдал места, где информацию передавал – то есть, где контейнеры, замаскированные под кирпичи, прятал, чтобы их враждебная сторона потом скрытно изъять могла. Страну так свою опускал, гаденыш. И ведь не по идеологии – за бабки опускал, что еще больше усугубляет. А закладками – такие места на их шпионском сленге называются. Так-то.

– А кому он ту информацию передавал?

– Иностранцам, кому еще. Им для своих черных дел всегда какая-нибудь информация нужна, а денег – немерено. Бюджеты шпионские раздули, вот и вербуют всех и всюду, чтоб налогоплательщикам своим показать – мол, не зря хлеб жуют.

– А на чем тот шпион прокололся-то?

– Да говорю ж, на закладке спалился! Парня в библиотеке, где он книжку возвращал, спросили, куда делась закладка, а его повело, раскололся, гаденыш, как гнилой орех. У них же нервы – точно струны, бери да играй на них, что твой Ростропович на рояле... Как понесло его каяться – органы протоколировать не успевали.

– А-а-а... Понятно...

Помолчали.

– А что, здорово этот Ростропович на рояле играет? – вдруг спросил Общественник.

– Так себе.

– Как это, так себе! – возмутился Интеллигент. – Он лучшим признан!

– А кем признан-то? – Бывалый посмотрел на него иронически.

– Ну... – Интеллигент беспомощно пожал плечами, – не помню точно. Но признан, факт.

– Небось, другими Ростроповичами? – насмешливо предположил Бывалый. И сказал: – Я, кабы б захотел, и получше сыграть мог.

– А чего ж не играешь?

– А не хочу.

– А-а-а-а... Понятно...

Опять помолчали.

– Люблю про шпионов слушать, – со вздохом сказал Интеллигент. – Сам когда-то хотел таким стать. То есть не шпионом – разведчиком, конечно.

– Как Владимир Владимирович? – с придыханием спросила Фото модель.

– Как он, – подтвердил Интеллигент.

– И чего ж не пошел?

– По зрению не взяли. – Он обиженно засопел и посмотрел на Бывалого. – А ты еще что-нибудь на шпионскую тему знаешь?

– А то.

– Расскажи?

– Ладно. Значит, дело такое... Начнем с того, что со шпионами вообще зачастую разные мудреные штуки происходят, – начал Бывалый. Он неспешно дожевал кусок плавленого сырка и чинно отрыгнул. – Работа у них такая. Экстремальная. Попадают они во всяческие ситуации, а как расхлебать – не знают. Ни одна, пусть даже самая подробная служебная инструкция для шпионов такие ситуации, которые жизнь подбрасывает, предусмотреть не в силах.

– Какие, например, ситуации? – спросил Интеллигент.

– А вот, например, такие, – сказал Бывалый. – Догоняли один раз одного шпиона. Организация одна догоняла. Серьезная такая организация, на три буквы называется. Вычислили его, пришли арестовывать, а он в машину сиганул – и в бега. За ним гонятся, а он, подлец, к посольству государства одного нехорошего, на которое работал, рулит, вот-вот уйдет... Доехал, выпрыгнул из машины, к воротам посольским побежал, а за ним организация та.

– Которая на три буквы и шпионов вычисляет?

– Она самая... Добежал он до ворот, а те заперты. Он тогда – сквозь решетку протискиваться, да и застрял прочно. Так застрял, что верхняя часть его шпионского туловища оказалась на территории того иностранного государства, а нижняя, по пояс, то есть, на нашей осталась. Иностранцы к себе своего выкормыша тянут, а наши – к себе. И никто перетянуть не может, потому что застрял он слишком крепко. Вызвали тогда иностранцы своих юристов, начали переговоры крючкотворить. Кричат, что раз голова на их стороне, значит, и весь человек под их юрисдикцией получается. Голова – она и есть всему организму голова.

– А наши? – с интересом спросил Интеллигент.

– А наши усмеваются. Нашим и задницы того шпиона достаточно, чтоб взять его в оборот. Когда переговоры юридические окончательно в тупик зашли, иностранцы в наглую стали шпионские показания с него снимать. Прямо при спецслужбистах наших. Очень уж ценные сведения он в голове держал, очень уж они им нужны были.

– А наши?

– А наши его по заднице ремнем – мол, не болтай, гад, молчи! Задница на нашей стороне, значит, и юрисдикция на нее наша. Имеем право.

– А шпион?

– А шпион орет от боли, показания давать отказывается. Ремнем-то по заднице схлопотать – небось, не пивом в жару освежиться. Удовольствия мало.

– И чем все кончилось?

– А ничем. Так по сей день в решетке той и торчит. Иностранцы ему медаль вручили, а наши впаили десять лет лагерей с отбытием по месту застревания. И пригрозили, что если он свой рот с информацией важной раскроет, они к посольству его заочных сокамерников-блатарей привезут, а уж те его для знакомства враз с тыла оприходуют, опустят ниже самого низкого плинтуса. Вот и торчит он по сию пору в решетке с медалью на груди. Иностранцы его кормят, а наши дерьмо за ним убирают, потому что он его на нашу суверенную территорию валит. Обе стороны несут возле него круглосуточные дежурства, следят друг

за дружкой, чтобы противник преимущества не получил. А он от сытных иностранных харчей все больше разжирается, и его шансы высвободиться все уменьшаются. Зато, с другой стороны, и срок потихонечку идет. Такие дела.

– Н-да, действительно, дела... – Интеллигент поежился. – Не хотел бы я в такой ситуации оказаться.

– Не ходи в шпионы – не попадешь, – посоветовал Бывалый.

– И не пойду, – твердо сказал Интеллигент.

– Значит, покончено с мечтой детства?

– Значит, так.

– Ну и наливай тогда, раз так. Обмоем.

– Мне перед кастингом нельзя, – напомнила Фотомодель.

Интеллигент растерянно покрутил в воздухе пустой бутылкой и посмотрел на Бывалого:

– Кончилась водка-то.

– Так принеси еще, – спокойно посоветовал тот.

– А где взять?

– А где раньше брал, там и сейчас возьми.

– В холодильнике?

– В холодильнике.

– Так я ж вроде все, что было на полке, выгреб.

– А на другие полки заглянул?

– Нет.

– Вот и сходи, посмотри.

Никто не удивился, когда Интеллигент вернулся с охапкой запотевших бутылок.

– Банкуй дальше, – коротко распорядился Бывалый...

– Есть проблема, – прожевав сырок, намазанный баклажанной икрой, сказал Общественник, обращаясь, конечно, к Бывалому.

– Есть – решим, – веско сказал тот. – Излагай.

– Время, – начал Общественник, для наглядности вскинув руку, чтобы продемонстрировать всем запястье с часами. – Сидим мы, конечно, хорошо, но я...

– Боишься, что вот-вот нагрянет женушка с розысками? – догадался Бывалый, а Интеллигент, спохватившись, поспешно задрал край рукава и посмотрел на свои часы.

– Я не женат, – очень неубедительно возразил Общественник, почему-то покосившись на Фотомодель. – Просто – время. Так долго мусор не выносят.

– Ой, правда, я ж на кастинг опоздаю! – вскрикнула Фотомодель.

– Ты руку-то с часами опусти, опусти, – посоветовал Общественнику Бывалый. – Эта твоя проблема – она ведь не проблема совсем. Ты вот часами трясешь, а сам на них хоть мельком взглянул? – Он покосился на Интеллигента и усмехнулся – тот как раз недоверчиво таранился на свой электронный циферблат. Судя по выражению лица, ему нестерпимо хотелось в очередной раз протереть забытые дома очки. – Так сначала посмотри, а потом уже панику поднимай.

– Мать моя женщина! – вняв его совету, вскричал Общественник. – Остановились! А ведь таких денег стоят! Мне в магазине гарантию давали, божились, что это не китайская подделка! Ну я им устрою, ну я им... Я такую жалобу в инстанции накатаю!

– Часы идут, – остановил поток его гневных излияний Бывалый. – В точном соответствии с окружающим временем. Время идет медленно – часы идут медленно. Закон относительности Эйнштейна.

– Но как же...

– А так. Здесь свалка.

– И что? – не понял Интеллигент.

– А то. На свалке время измеряется по-другому, тут одна величина – вечность. Для твоей жены прошло всего несколько минут с тех пор, как за тобой захлопнулась дверь. А для нас...

– Ага, выходит, часы фиксируют время, которое там? – наконец понял Интеллигент. – Поэтому нам кажется, что они стоят?

– Именно так.

– Эйнштейн?

– Эйнштейн.

– Который ученый?

– Он самый.

– Значит, сидим дальше? – в один голос обрадованно выкрикнули Интеллигент с Общественником, а Фотомодель притихла в ожидании ответа.

– Наливайте, – коротко распорядился Бывалый, ставя тем самым точку в научном диспуте о времени. – Хватит о пустом, нам еще о дельном поговорить надо...

– Хорошо сидим, – через некоторое время все так же в один голос сказали двое.

– Кажется, я опьянела, – кокетливо заявила Фотомодель, – отталкивая руку Общественника, настойчиво предлагающего ей наполненный до половины стакан. – Мне хватит.

– На свалке не пьянеют, – сказал Бывалый. Прозвучало это столь безапелляционно, что Фотомодель не нашла, что возразить. Она со вздохом приняла свою долю и, ожидая чего-то, посмотрела на него вопросительно.

– Тост? – понял тот.

– Про красивых девушек, – подтвердила девица.

– Понравилось?

– Понравилось.

– Ладно, будь по-твоему, – согласился Бывалый. – Слушайте про красивых девушек.

И провозгласил следующее:

Еще один длинный тост

Длинный тост про преступных врачей и безвинных людей, которым вырезают почки

Один гражданин потерял сознание. Прямо на улице он его потерял. Сердобольные прохожие вызвали «скорую», гражданина увезли в больницу, а врачи, пока он без сознания благополучно пребывал, почку-то у него и вырезали. Здоровую почку. И миллионеру зарубежному ее благополучно и задорого продали. А гражданину, когда тот очнулся, сказали, что так надо было, что с двумя почками он из своей комы ни за что не выбрался бы. Вроде б как отягощала она его организм, лишней была, без нее ему теперь вроде б как легче жить будет. И вообще, он к ним уже без почки попал, так что нечего теперь попусту разоряться, на опытных врачей поклеп возводить.

А одна дамочка решила свои зубы проверить. Пошла к зубному врачу, а тот сказал, что один зуб удалять надо. А она сказала, что боли боится, а он тогда общий наркоз ей предложил. А она согласилась, а он ее усыпил и почку вырезал. Продал миллионеру зарубежному задорого, а дамочке сказал, что она к нему уже без почки пришла. А зуб так и не удалил, стервец, хотя деньги с нее за это заранее взял.

А еще один гражданин пошел на медицинское обследование. Добровольно пошел, чтобы здоровье проверить. А дальше все по известной схеме покатилося: наркоз, почка, счастливый зарубежный миллионер и наглое утверждение, что он на обследование уже без почки пришел.

А один гражданин не стал дожидаться, пока у него врачи втихомолку почку вырежут и задорого продадут. Он сам потребовал ее вырезать и в баночку с физраствором запечатать, и сам тому миллионеру зарубежному продал, который чужие почки собирает. И тоже, между прочим, задорого продал. Таким вот предусмотрительным этот гражданин оказался.

Так выпьем же за то, чтобы народ расставался с лишними почками добровольно, с радостью, и получал за это деньги в полном объеме, не делясь с врачами-аферистами. Ведь почки – орган парный, и если лишиться одной, ничего страшного не произойдет. Ну, разве что пить поменьше станешь, потому что одной почке все же трудней, пожалуй, алкоголь по организму перегонять с места на место будет. Ну так это даже и хорошо, это для здоровья полезно, когда пьешь меньше. Вот за это и выпьем...

– Ни к каким Бончам-Круповым я больше ни ногой! – испуганно вскрикнула Фотомодель. От этого испуга она выпила водку залпом и тут же попросила еще. – Я с почками расставаться не намерена, они мне самой нужны!

– А как же аборт? – вкрадчиво подкинул Бывалый.

– Да не беременная я! С чего вы такое взяли!

– А цветы тебе дарили?

– Дарили, конечно. Как и всем порядочным девушкам... А что? – после некоторой паузы подозрительно спросила Фотомодель и прищурилась, ожидая какого-нибудь подвоха.

– Хорошо девкам, – вдруг сказал Бывалый как бы не ей конкретно, как бы просто рассуждая вслух. – Порядочным – в особенности.

– Чем же? – поинтересовался Интеллигент. – Собственно, я не возражаю, но прошу это утверждение обосновать.

– Он у нас человек от науки, – подмигнул Бывалый Общественнику, – любой пустячной аксиоме наглядных доказательств требует. – Чем, говоришь, хорошо? А хотя бы тем, что им дарят цветы, конфеты, и все это за просто так.

– А кто дарит-то?

– А парни. Разве не хорошо девкам от этого?

– Хорошо, наверное, – предположил Интеллигент, готовый согласиться с такой точкой зрения. – Мне вот никто ничего за просто так не дарит.

– Чего ж тут хорошего? – вдруг возразил, с ловкостью фокусника меняя свою позицию, Бывалый. – У бедных красавиц после тех конфет беременность зачастую развивается. А парень, что цветы дарил, к тому времени давно смылся. А беременность, она дополнительными едоками для семьи обычно оборачивается. Вот так.

– От цветов беременность? – недоверчиво уточнил Общественник.

– От цветов, – подтвердил Бывалый. – Ну и от конфет еще. Особенно дорогих, в красивых коробках. – И со значением посмотрел на Фотомодель.

– Да не беременная я! – нервно закричала та. – Прекратите свои грязные намеки!

– Выходит, ничего за просто так в жизни не бывает? – подвел итог Общественник. Он выглядел разочарованным.

– Выходит, так...

Некоторое время помолчали, переваривая эту ценную мысль.

– Кстати, насчет почек, – подал голос Общественник. – Не верю я, что врачи их воруют. Глупости все это.

– Ну, про почки, положим, был просто тост, – с легкостью согласился Бывалый. – Происходило ли такое в жизни – никто точно знать не может. Кроме тех растяп, конечно, которые сейчас на одной почке жизнь тянут. А вот насчет того, что врачи честному народу нарочно пакостят – давно известный факт. С этим, надеюсь, никто спорить не собирается?

– Я – нет, – быстро сказала Фотомодель, болезненно поморщившись. Возможно, она вспомнила что-то неприятное, связанное с квалифицированной врачебной помощью.

– Мне с врачами сталкиваться не приходилось, – беззаботно отозвался Интеллигент. – У меня со здоровьем порядок.

– Твое счастье, – поздравил его Бывалый. – Не то бы сейчас по-другому пел.

– Что, с одной почкой ходил бы? – насмешливо спросил Интеллигент. – Ты это на полном серьезе?

– С одной или вообще без оных, про то мне неведомо, – веско бросил Бывалый, – а вот настроение тебе б испоганили – точно.

– Это с чего вдруг, позвольте поинтересоваться?

– А с того. Просто нравится им людям настроение поганить. Если до почки не доберутся, то хотя бы нахамят. Просто так, из вредности.

– Что, и подтверждения имеются? – все так же насмешливо спросил Интеллигент.

– Имеются, – подтвердил Бывалый. – Вот, слушайте...

И рассказал следующее:

Медицинская история

Жил себе, поживал, один хороший человек. Жил спокойно, пока у него зубы не разболелись. Тогда и пошел к врачу впервые в жизни, потому что до того не болел ни разу. Зубы удачно подлечил, а там его и к другим врачам уговорили. Осмотреть лишний раз организм, мол, никогда не помешает. Профилактика, говорят, на то и существует, чтоб болезни будущие обнаруживать.

Ну, пошел тот человек на ту профилактику. Удачно всех врачей прошел, а вот на сексологе Арапетяне вдруг застопорилась вся профилактика эта научная. Много чего неприятного наворотил этот хрен сексологический, который пенсне старомодное для важности нацепил. Но главное – то самое, что он всю жизнь полноценным половым актом считал, сексолог Арапетян какой-то поллюцией обозвал. А ведь они с женой аж двадцать лет прожили, детей нарожали, и не знали до сих пор, что не по науке мудрено-арапетяновской живут. Сексологической, то есть, науке. Оба двадцатилетним своим супружеством довольны были и никаких сексологических претензий друг к другу не предъявляли.

– А дети тогда откуда? – вскричал добрый, но наивный человек.

– А это вы у жены своей спросите, – Арапетян отвечает. И для усиления ехидного эффекта стеклами своего пенсне нагло так сверкает.

Закручинился было тот человек хороший, а потом его вдруг и осенило, что хитрые арапетяны такими вот псевдонаучными способами денежки из народа вытянуть норовят, оттого и пугают его поллюциями всякими, да еще стеллажи книжками умными заставили для убедительности. Чтоб у простого люда доверие к ним было, хотя на деле, может, там одни обложки от тех книжек стоят – поди, проверь, если они за стеклом спрятаны... И еще понял, что этот ученый Арапетян нарочно его дураком выставить хочет, потому и про оргазмы какие-то мифические наплел. А уж словечки-то какие паскудные специально для унижения других напридумывал!.. А еще его осенило, что теперь делать надо.

Вот он и сделал, как осенило. Пенсне Арапетяну разбил, а бумажки нехорошие, псевдомедицинские, что тот на него состряпал и уже в личную карточку успел занести, чтобы потом другим аферистам показывать и над ним смеяться – все подчистую в мелкие клочки изорвал. И нечего из него дурака сексуального делать, да еще денежки через то выманывать! Кровные, между прочим, денежки. Потому что для кого поллюция, а для кого и полноценный половой акт. И очень приятный, кстати, хоть и неправильный с точки зрения лжеучения Арапетяна.

Именно так он деятелю в белом халате и сказал, пока тот к разбитому носу марлю прикладывал да треснувшее пенсне под столом искал. И нечего народу мозги пудрить, денежки из него тянуть. Те, которые кровные. А еще книжки умные на всеобщее обозрение выставлять, врачом шибко грамотным прикидываться. Гиппократ хренов...

Так прямо про Гиппократа и сказал, когда аферисту от медицины вторая марля потребовалась, и когда он за своим пенсне второй раз под стол нырнул. Так и сказал, да, чтоб впредь неповадно было.

Такая вот история. Медицинская.

– Все бы ничего, – прокомментировал внимательно выслушавший Бывалого Ответственный, – да только одна неувязочка во всех этих твоих историях имеется. Правдивости она мешает. Почему-то у тебя что ни врач, то обязательно неумеха и аферист. Можно подумать, все врачи только из таких и состоят.

– А можно подумать, что нет, – удивился Бывалый. – Они ведь нарочно в медицину просачиваются, чтоб хорошим людям гадить. И еще – потому что в белом ходить любят. Форс у них такой. Дипломы медицинские по блату покупают, а потом над народом трудовым изгаляются...

– Кстати, о поллюциях, – начал было задумавшийся о чем-то своем Интеллигент.

– Не надо о поллюциях! – поспешно возразила Фотомодель. – Давайте лучше опять о красивых девушках. Мы это заслужили. Своими нелегкими кастингами заслужили, правда!

– Давайте о девушках, – согласился Бывалый. – Но и о поллюциях при этом забывать не будем. Эти две вещи порой тесно между собой связаны.

– Девушка – не вещь, – возразила Фотомодель. – И какая между ними связь?

– Кстати, как вас зовут, сударыня? – неожиданно спросил Бывалый и его так же неожиданно поддержал Общественник:

– Да, вы не представились, а девушку некрасиво соответственно профессиональной принадлежности называть. – С тем, что сам он отныне Общественник, он, кажется, смирился окончательно. Более того – это прозвище ему, кажется, даже нравилось.

– Какой еще такой принадлежности? – с недоумением спросила девица. – Меня так и зовут – Фотомодель. Имя у меня такое. Разве не красивое?

– Тогда слушайте, что сейчас расскажу, – вкрадчиво проговорил Бывалый, в то время как Общественник с Интеллигентом переглянулись с отвисшими от удивления челюстями. – Значит, как договаривались, о поллюциях...

– Мы договаривались о девушках! – с горячностью возразила Фотомодель.

– Будь по-твоему. И налейте-ка дамочке, чтобы лучше слышала, – приказал Бывалый. – Эта история и ее некоторым образом касается.

– Это как? – Осушившая стакан Фотомодель шумно выдохнула, и Общественник услужливо протянул ей плавленый сырок.

– А вот как...

И Бывалый рассказал следующую историю:

Кто имеет поллюцию

Оттого он назвал дочку именем красивым, что романтичным был. Сериалы любил по телевизору смотреть еще больше жены своей, по жизни восторженной. Дочку они как раз ждали, когда какой-то очередной сериал шел про что-то. Люция там была такая, в сериале том длинном. Красивая девушка и округлая, как и имя ее. Но не станешь же дочку по-иностранным называть, пусть и красиво. В России, чай, живешь, а не там, где Люции округлые произрастают. А из здешних имен – Полина ему дюже нравилось. Тоже красиво и округло, на манер Люции. Тут-то его и осенило: Полина плюс Люция – вот и получи Поллюцию! И красиво, и округло, и по-нашему – не по-иностранным какому. В общем, все женские добродетели через одно хорошее слово в имени этом чудном слились.

В ЗАГС-е ему так и сказали:

– Вы, Федор Никанорович, молодец. Не каждый имя такое красивое для любимой дочки подобрать способен. Нынче ведь в моде имена все больше новые, зарубежные, демократические. Или наши, красивые, но тогда не демократические, не то что у вас. У вас и того и другого в меру соблюдено...

И велели в коридоре подождать.

А там как раз сидел один из тех, что с демократическими именами в ЗАГС приходят. И тоже подивился имени красивому, Федором Никанорычем придуманным, а заодно о беде своей рассказал. Не хотят, подлецы ЗАГС-овские, сынишку его, тоже пока не рожденного, регистрировать. БОрис НИколаевич Ельцин в Кратковременной ЗАвязке – имя такое хорошее придумал, демократическое. Бониекза, в общем, если коротко. И любому подойдет – даже если дочь родится. Навроде Жени что-то. И мужское и женское – одновременно. А эти, из ЗАГС-а, которые равнодушные, и говорят ему нагло: регистрировать Бониекзу отказываемся, потому как имя это лживое и президента нашего порочит. С чего бы это вдруг Борису Николаевичу в завязку уходить, пусть даже и в кратковременную. Он мужик крепкий, а потому – глупости все это и оговор демократического вождя. И другое имя предложили: Борис Николаевич Ельцин на аортокоронарном шунтировании под руководством знаменитого кардиохирурга Акчурина. Не менее демократическое, красивое, и, что самое важное – правдивое.

А мужик – ни в какую. Бониекза, как ни крути, покрасивше Акчурина будет, пусть даже тот и шибко ученый по своей медицинской линии, по которой людей скальпелями всюю кромсают. Вот и сидит теперь, приговора окончательного дожидается.

Потом мужика того упрямого вызвали дальше Бониекзу его, еще не родившегося, обсуждать, а затем и до Федора Никанорыча очередь дошла. Утвердили, конечно, Поллюцию его. Очень быстро и почти единогласно утвердили. Чай, в комиссии тоже не дураки сидят. Только один какой-то против хотел проголосовать, потому что плохо выспался – чего с такого взять.

А потом все вкривь и вкось пошло почему-то. Но не сразу. В детский сад Поллюция более-менее нормально отходила. А вот в школе – началось...

Больно глупыми учительницы в этой школе оказались, потому как молоденьких набрали. А классный руководитель в возрасте мужчиной оказался, и потому еще более глупым. И это не придирки, потому что как еще таких, с позволения сказать, учителей охарактеризовать, если они постоянно в дурацкие ситуации попадали? А ситуации такие сами же по своей глупости и учиняли.

Входит, к примеру, классный руководитель в учительскую, и спрашивает озабоченно:

– Никто мою Поллюцию не видел? На прошлом уроке ведь еще была, а сейчас исчезла куда-то.

Молоденькие учительницы почему-то краснеют и из учительской наперегонки выбегают. Ну не дуры ли?.. Или наоборот. Входит такая молоденькая в учительскую:

– Борис Евгеньевич, я только что вашу Поллюцию лицезрела. Она сейчас в коридоре. Вся мокрая, липкая!.. Примите, пожалуйста, меры. Ее мальчишки чем-то облили, кажется.

Но разве ж дослушает учительский народ конец фразы, который про мальчишек, и все объясняет? Не дадут договорить, опять зачем-то краснеют и опять зачем-то убегают. А тут и физкультурник, подлец, масла в огонь подливает:

– Ваша Поллюция совсем как размазня. На шведской стенке всегда подобно сопле болтается, никакой в ней упругости. Надо бы как-то на нее воздействовать, а то она весь класс назад тянет. Может, разрешите мне позаниматься с нею дополнительно или сами как-то ее укрепите?

Борис Евгеньевич от такой тупости зверел даже:

– Надоело! Я эту свою Поллюцию сейчас вообще по стенке размажу! Хотя по шведской, хоть по какой! Да хоть прямо здесь, в учительской!

А дурочки молоденькие от таких слов уже в крик ударяются. Хулиганом великовозрастным его обзывают, говорят, что он нарочно их в краску вгоняет. Потому и нечего таких глупых, из пединститута, набирать – тогда уж лучше с улицы, не нервных и ко всему привычных. Ученики-то к Поллюции нормально относились, правда, только до восьмого класса, пока в учебный курс анатомию не ввели...

Тут уж к Поллюции повышенный интерес образовался. Подковались, значит, одноклассники анатомически. Раньше девчонка в средненьких числилась, в неприметненьких. А тут вдруг все мальчишки про красавиц общепризнанных разом позабыли и за ней бегать начали. Те красивые девчонки даже делегацию собрали, чтоб директрисе на такое бесчинство пожаловаться:

– Борис Евгеньевич свою Поллюцию холит и лелеет, а нам через нее жизни никакой не стало. Поэтому убедительно вас просим...

А директриса, хоть и старая уже, опытная, но тоже дура, выходит, немалая, потому что краснеет почему-то – вот и новый скандал намечается. А бедного Бориса Евгеньевича – на педагогический совет тянут, причем срочно.

Слег он даже от всего этого безобразия. Так разве ж дадут поболеть спокойно! Звонит одна такая домой. Опять-таки молоденькая:

– Передайте мужу, что пока он болеет, его Поллюция...

Да хоть бы дослушала сначала, прежде чем сразу воспитывать бросаться! Еще женой называется! И вот Борису Евгеньевичу бюллетень продлевают, потому что на его теле неожиданно следы каких-то побоев проявляются.

Но это в школе все от Поллюции безвинной страдали. А ведь был еще и двор...

Возвращается, например, ее отец романтический с работы. Уставший, конечно, после пива, которое за производственную вредность полагается. Подходит к крыльцу, а там мальчишки сидят, разговоры разговаривают.

– Вчера ночью у меня опять поллюция была. Знаешь, как здорово! Ощущеньица, я тебе скажу-у-у...

Дружки его ночному счастью завидуют, а отец не дослушает даже. Мальчишкам немедленно по подзатыльнику, и через две ступеньки бегом домой:

– Где вчера ночью была? – на дочь безвинную орет.

А та удивляется:

– Мы ж с тобой до утра в карты под пиво играли. Неужто забыл?

И то правда. Почешет отец свой затылок, выйдет опять во двор, чтоб перед мальчишками извиниться, а к их разговору уже мужик взрослый, умеренно-пьяненький, подключился:

– Счастливые вы, ребята. А вот у меня поллюция в последний раз годочков этак десять назад была.

Отец моментально холодным потом покрывается, начинает высчитывать лихорадочно... «Да ведь моей Польке в ту пору всего семь лет было! И это, как педофил открыто заявляет, она в последний раз к нему приходила!»... И ну того мужика за грудки хватать. А потом бегом домой и свою дочь к гинекологу на проверку тянет. А там удивляются:

– Вы ее уже который год к нам приводите, ни одного месяца не пропускаете! Девственность она у вас, не сомневайтесь.

Но ворчали беззлобно, с уважением. Вон как папаша о дочке своей заботится. Каждый бы так...

Но однажды пришел всей этой путанице конец. И очень даже счастливым тот конец оказался. Справный такой конец, справедливый. Надоело отцу свою от педофилов оборонять, вот он и принял мудрое решение, какие цари в сказках принимают. Еле-еле терпения у него хватило, чтобы совершеннолетия доченьки дождался и план свой замечательный в жизнь претворить.

– Отдам тебя, Полька, за первого встречного, – сказал он в восемнадцатый день ее рождения. – Слово мое твердое, так тому и быть.

Поллюция обрадовалась и тотчас на улицу радостно побежала, потому что надоело ей гинекологов ложными визитами от работы отрывать. Уж лучше по делу к ним приходиться. И родня с соседями – все за ней побежали, посмотреть.

А тут и первый встречный не задержался. Лицом кавказской национальности, естественно, тот первый встречный оказался, потому что лица эти вездесущие, их везде встретить можно, даже в самых неожиданных местах. А этот ходил с мешком через плечо по дворам – скупал у мирного населения взрывчатку, этому населению ненадобную. Чтоб потом вернуться к себе на родину и этими боеприпасами движение освободительное подбодрить, сил ему новых придать. Родину ту свою от лиц другой кавказской национальности освободить, в общем, мечтал. Оставалось ему мешок заплечный всего-то на какую четверть заполнить, и тут на свое счастье он в двор Поллюции забрел. И не успел он про взрывчатку спросить, как его тут же в ЗАГС повезли, а к вечеру он уже сидел за столом, сверкая золотыми зубами и трехдневной щетиной, которая у кавказцев обычно за три часа после бриться отрастает. А на свадьбу пригласили и учительниц молоденьких, и классного руководителя, и мальчишек с крыльца, и еще много кого, даже того случайного педофила великовозрастного не забыли. В общем, заходи любой, кто красивые имена ценит!

А кавказец на радостях тут же все дворы, недавно обойденные, еще раз обошел, и взрывчатку, недавно купленную, обратно населению раздал и даже денег вернуть не потребовал. Просто за то раздал, что во дворах здешних такие хорошие девушки проживают. А о войне своей освободительной вообще напрочь забыл...

Так и живут молодые в счастье и согласии вот уже добрый десяток лет. И каждый день этот первый встречный кавказец свою законную Поллюцию законно и имеет. И даже вслух об этом, не стесняясь, всем говорит. И ее романтический отец ничуть на него за это не сердится. Расписался – значит, теперь имеет право официально все эти бесчинства с его дочерью вытворять. Тут не то что отец, тут даже никакой гинеколог кавказцу не указ. Так что пусть себе и дальше свою Польку имеет. Хоть днем, а хоть бы и ночью. По праву это. Чай, заслужил.

Такая вот история.

– Выходит, поллюцию еще заслужить надо, – задумчиво прокомментировал Общественник и почему-то посмотрел на Фотомодель. – Нет так-то просто, оказывается, ее занять.

– А ты думал, – огрызнулась та. – За просто так тебе нынче и депутат не спляшет. А вообще, я уверена, что поллюцию только маньяки испытывают. Те, что в кустах стоят, девушек подстерегают.

– Ты про эксгибиционистов, наверное, – поправил ее Общественник. – Это они по кустам прячутся, плащи распахивают. А под плащами у них нет ничего.

– Так уж прямо и ничего! – возразила Фотомодель. Затем, заметив взгляды собравшихся, почему-то покраснела и поспешно добавила: – Хотя сама я, конечно, ничего такого не видела. Мужского, в смысле. Так, слыхала от кого-то, будто есть у них там что-то. А вот ты откуда такие подробности знаешь? Небось, сам подобными делами балуешься? – перешла она в наступление, и теперь покраснел Общественник.

– Может, выпьем? – поспешил предложить он.

– Пора бы, – согласился Бывалый. И вдруг прищурился, заметив что-то, валяющееся в ногах Общественника. – Это что там у тебя такое?

Тот посмотрел вниз и ахнул:

– Господа, это же мои пропавшие документы! – Он поспешно нагнулся и поднял с земли черную папку. Заботливо обтерев ее рукавом, он сдул с кожаной поверхности последние пылинки и обвел всех счастливым взглядом: – Но откуда! Я ее аж в прошлом месяце потерял! И совсем недавно здесь ничего не валялось; я, когда ящики устанавливал, внимательно все кругом осмотрел! Нет, ну надо же... – Он еще раз любовно погладил кожу неожиданной находки.

– Пить надо меньше, – снисходительно сказал Бывалый. – Тогда и документы не будешь терять. И под ногами все замечать станешь.

– Я не пью! – вскинулся Общественник.

– Да знаем, знаем, – успокоил его Бывалый и поинтересовался: – В ней, небось, ценные общественные документы? Протоколы собраний жильцов, жалобы в домоуправление и все такое прочее?

– А что! – вскинулся Общественник. – Между прочим, это не повод для шуток. Я свои права знаю! И отстаивать их умею! Даже других этому делу учу. Не так-то просто, к твоему сведению, гражданскую сознательность в людях пробудить. Да взять хотя бы тебя, к примеру... – Он прищурился. – Вот ты весь из себя такой бывалый, байки всяческие рассказываешь, других жизни учишь, а сам хотя бы свои права знаешь?

– Да уж небось поболее, чем некоторые.

– А ну скажи.

– Ладно, слушай...

И Бывалый без малейшего промедления, слегка скучающим голосом выдал следующее:

Про гражданские права

Обычные люди имеют права, но не очень твердо знают, какие конкретно. Правозащитники или адвокаты не только хорошо знают, какие права имеют, но имеют право защищать права других. Но круче всех обычный милиционер: он имеет права всех этих, вместе взятых людей, как хочет.

Трое некоторое время молчали, переваривая несколько неожиданную трактовку своих гражданских прав.

– Признаю поражение, – наконец выдал из себя Общественник и посмотрел на Бывалого с еще большим уважением, хотя и до этого оно было весьма немалым. – А хотите, я вам еще что-нибудь насчет гражданских прав расскажу? Я недавно с лекцией в домоуправлении выступал, поэтому вопрос хорошо изучил. – Он вдруг осекся и недоверчиво всмотрелся в нутро распахнутой папки.

Несколько секунд Бывалый с любопытством смотрел на растерянно что-то бормочущего собутыльника, потом спросил:

– Что-то не так?

– Документы не те! – возбужденно выкрикнул Общественник. – Нет, но кому понадобилось подменять мои бумаги!

– Может, шпионам, – предположил Бывалый и с ехидством покосился на Интеллигента. – А кто у нас здесь шпион?

– Я только хотел им стать, – напомнил тот. – И то, не шпионом, а разведчиком!

– А какая разница, – не поняла Фотомодель.

– Шпионов сажают, а разведчикам медали выдают, – сказал Бывалый.

– А как их различают?

– Шпионы по-иностранному говорят, – пояснил Бывалый и опять повернул голову к Общественнику: – В твоей папке было что-то важное?

– Важнее не бывает, – мрачно подтвердил тот. – Самое главное, пропал протокол опроса жильцов, протестующих против сооружения здесь свалки.

– Так свалка-то – вот она, – напомнил Бывалый. – Чего теперь протестовать?

Общественник не нашел что ответить, и обиженно засопел, перелистывая свои бумажки.

– Налейте человеку, у него горе, – сочувственно сказал Бывалый. Он с интересом проследил, как разнервничавшийся Общественник опрокинул полновесный водочный стакан и спросил: – А что там сейчас? Чем подменили твои ценные документы?

– Да ерунда какая-то! – с чувством воскликнул Общественник. – Сам не пойму. Какие-то, что ли, памятки...

– А ты зачитай вслух, – попросил Интеллигент.

– Да говорю же, полная чушь.

– А если я попрошу? – кокетливо спросила Фотомодель.

Общественник посмотрел на нее с обожанием и вздохнул, сдаваясь.

– Ладно, слушайте...

Он нехотя раскрыл папку и, пошелестев бумагами, зачитал следующее:

Дюжина верных признаков

Дюжина верных признаков того, что последние сто граммов оказались для вас лишними

1. Вы долго и настойчиво убеждаете в чем-то своего на редкость упрямого собеседника, а когда тот наконец соглашается с вашими железными доводами, вдруг обнаруживаете, что находитесь в комнате один.

2. Вы внезапно замечаете, что спившаяся вокзальная проститутка, мимо которой вы вчера прошли мимо, брезгливо зажимая нос – весьма симпатичная женщина, и вообще, из нее наверняка получилась бы хорошая жена и мать.

3. Упав в очередной раз, вы уже не стремитесь вскочить сразу – накопленный за сегодняшний день опыт подсказывает вам, что сначала неплохо бы набраться сил и, в конце концов, разве плохо какое-то время просто спокойно полежать, думая о чем-нибудь приятном.

4. Вас нисколько не смущают любопытные взгляды прохожих – напротив, в ответ вы смотрите на них с чувством превосходства, поскольку знаете многое из того, чего пока не постигли они. «А лежать, между прочим, имею полное право! На дворе нынче не тоталитаризм!»

5. Резкая смена настроения: «Чего вы на меня пялитесь! В том, что у человека слегка испачкан гардероб, нет ничего предосудительного! Может, это вообще рабочая одежда, в которой я, не разгибая спины, целый день работал на приусадебном участке!»

6. Озарение: наконец понял! Это все от некачественного коктейля! Точно-точно! Скотина-бармен наверняка нарочно подмешал туда какой-то дряни. И рожа у него прохиндейская. Жаль, не разглядел сразу. Ничего, в следующем баре закажу чистой водочки. Вот хрена лысого дам еще раз так себя облапошить.

7. Хамы! Зачем так больно драться! Неужели приличному человеку нельзя выкрикнуть стриптизерке благодарственные слова? Ну, еще ущипнуть ее, оказывая знак внимания... Драться-то зачем!

8. Вас наконец перестали выбрасывать из баров. Вас туда попросту не пускают.

9. Два близнеца в симпатичных матросских костюмчиках внезапно оказываются обычным низкорослым милиционером в единственном числе, облаченным в неприятную глазу форму. Странно, как можно было спутать... Да нет, конечно же, тот обращается к кому-то другому.

10. Опять странно... Куда-то везут и совсем не спрашивают билета. Какие добрые люди.

11. Кровать, конечно, жестковата, зато вы начинаете гордиться выданными добрыми людьми трусами с нарисованным на них порядковым номером. Жаль, что вас не видит жена! Ведь вы сейчас так похожи на профессионального спортсмена.

12. Внезапно вами овладевает поэтическая грусть... Кругом одни хамы, неспособные понять тонкую душу художника.

Впереди еще горячие объятия с женой и обязательное похмелье. Жена – ладно, ее как-нибудь да удастся умаслить, но почему никак нельзя обойтись без похмелья?

– И вправду чушь, – сказала Фотомоделль. – Дурацкая памятка, написанная пьяницами для других пьяниц.

– Бред, – резюмировал Бывалый.

– Зачем только такую бодягу читать вслух, – поморщился Интеллигент.

– Вы... вы сами просили! – запальчиво выкрикнул Общественник. Возмущенный вероломством собутыльников, он резко захлопнул папку и опять обиженно засопел.

– Ладно, наливайте, – распорядился Бывалый. – Обмоем эту дурацкую памятку. Уж мы-то никогда не напьемся до такой степени, чтобы нам выдавали номерные трусы.

– А девушек в вытрезвитель берут? – спросила Фотомодель и мужчинам показалось, что в ее голосе прозвучала надежда.

– Исключительно фотомоделей, – подтвердил не на шутку разозлившийся Общественник. – Их прямо с подиума оттуда забирают.

– Кое-кто забыл кое-какой урок и мечтает заработать по второй щеке, – ласково произнесла девица.

– А зачитай теперь ты что-нибудь, – сказал, разряжая обстановку, Бывалый.

– У меня нет очков, – напомнил Интеллигент.

– Так у тебя ж близорукость вроде была?

– Мелкий шрифт я тоже не разбираю, – признался Интеллигент. – Я, вообще-то, специальными очками пользуюсь. Бифокальными.

– Будут тебе бифокальные, – пообещал Бывалый. Он с кряхтеньем нагнулся, подобрал с земли какую-то проволочку, задумался на мгновение, что-то прикидывая, и принялся скручивать ее каким-то хитрым образом.

– Не знала, что среди присутствующих имеются бисексуалы, – сказала Фотомодель. – Но ты не тушуйся, нынче это даже модно. Чистым геем, правда, быть еще круче.

– Я не бисексуал! – вскинулся Интеллигент и вопросительно посмотрел на Бывалого. – А девки за свои слова тоже должны ответственность нести?

– Не девки, а девушки, – поправила его Фотомодель. – Между прочим, щеки не только у общественников имеются.

– Девки не несут, девки вынашивают... На вот тебе, – сказал Бывалый, бросая Интеллигенту получившуюся проволочную конструкцию.

Машинально поймавший ее Интеллигент обнаружил, что конструкция эта не что иное, как некое подобие оправы для очков.

– И что мне с этим делать? – спросил он, с недоумением приглядываясь к небрежно сляпанному проволочному сооружению.

– Как что? Цепляй на уши и читай газету.

– Но здесь же нет стекол!

– Бисексуальных? – ехидно вставила девица.

– Но какой прок от этой штуковины без стекол? – недоверчиво спросил Интеллигент.

– А ты попробуй, потом говори, – посоветовал Бывалый.

Интеллигент с некоторой опаской водрузил оправу на положенное место, обвел взглядом собутыльников, что-то пробормотал себе под нос, затем нагнулся, подобрал недавно брошенную газету, впился глазами в текст...

– Чудо! – закричал он, вскинув голову и недоверчиво таращась на Бывалого. – Я прекрасно вижу!

– Никакого чуда, – спокойно возразил тот. – Избавился от надуманного, только и всего.

– Тебе эта штуковина идет, – заметила Фотомодель. – Очень даже стильная вещица. А мне такую сделаешь? – спросила она, повернувшись к Бывалому. – Только мне с темными стеклами, пожалуйста.

– Какого надуманного? – не понял Интеллигент.

– От наносного. Помнишь, я говорил, что эти твои штучки с якобы слабым зрением – все это напускное, повод, чтобы очки нацепить и через те очки умнее других казаться.

– Но я по причине плохого зрения даже в армии не служил! – воскликнул Интеллигент.

– Значит, обманул государство, – резюмировал Бывалый.

– Но врачи! Военкоматовские врачи, самые что ни на есть строгие и придирчивые, они сами подтвердили, что... Уж они-то не могли ошибиться!

– Значит, аферисты от медицины добрались уже до военкоматов, – все так же спокойно подытожил Бывалый. – Ты читай, читай, не отвлекайся по пустякам. Или я от нечего делать такие отличные очки тебе смастерил?

– Правда, читай, – поддержал его Общественник. – Я без новостей не могу. Сидим мы, конечно, хорошо, но ни газеты тебе здесь, ни телевизора...

– Будет и телевизор, – пообещал Бывалый и опять поторопил Интеллигента: – Читай, говорю, не заставляй народ ждать. Что там в мире творится?

– Интересно, – пробормотал Интеллигент, – весьма своеобразная газета. Вроде местная, однако впервые такую вижу. Может, первый номер?

– А как она называется? – поинтересовался Общественник.

– Да тут титульный лист, как на грех, оторван. Получается, нет у нее названия.

– Да читай уже! – прикрикнула Фото модель.

И Интеллигент послушно зачитал следующее:

Известно ли вам, что...

...что крупный рогатый скот приходит в состояние крайнего возбуждения, если в стойло заходит одетый по форме милиционер? Этот феномен был открыт случайно, когда за дояркой одной из подмосковных ферм стал настойчиво ухаживать сотрудник местного отделения милиции. Кстати, эта оказавшаяся столь наблюдательной доярка поощрена специальной денежной премией за весомый вклад в отечественную науку.

Ученым пришлось признать, что загадка оказалась не так проста, как они думали поначалу, когда возникло казавшееся наиболее правдоподобным предположение, что скотину раздражает сама милицмейская форма, а какой человек ее надел, значения не имеет. Так, например, опытным путем было установлено, что когда форму сотрудника милиции надевает человек сугубо гражданский, то коровы, с которыми проводился уникальный эксперимент, ведут себя как обычно, спокойно. Никак не реагировали они и на появление в стойле одетых по форме работников пожарной службы, почтальонов и даже сотрудников налоговой полиции. Зато милиционер, даже переодетый в гражданское, неизменно приводил их в состояние крайнего волнения.

Опытным путем также было выяснено, что присутствие в стойле одетого по форме работника пожарной службы этих же коров, напротив, даже несколько успокаивает. У них стабильно повышаются надои, заметно улучшается настроение, что подтверждается различными измерительными приборами. Установлен уже и некий интересный баланс: двое пожарников сводят на нет вредное воздействие на коров одного милиционера, а чтобы добиться подобного результата с помощью почтальонов, таковых требуется уже целых три человекоединицы. Получается, неблагоприятное влияние милицмейских работников нейтрализуют сотрудники других, более мирных служб.

Почему происходит подобное, из-за недостаточного финансирования исследований доподлинно выяснить пока не удалось, хотя к разгадке этого интересного явления в срочном порядке подключились лучшие силы Российской академии наук. Прогнозируют, что ученые, которые смогут первыми приблизиться к объяснению этого феномена и найти убедительные объяснения происходящему, будут немедленно выдвинуты на соискание нобелевской премии.

Пока же столь интересный факт отнесен к разряду загадок природы или, если хотите, научных курьезов.

— И впрямь, интересно! — воскликнул Общественник. — Я и не предполагал даже, что милиционеры вредно воздействуют на коров.

— Эти кого хочешь в гроб загонят, не только парнокопытных, — заметил Бывалый. — Любого достанут, будь они в форме или без оной. Но тот факт, что они добрались уже до коров — настораживает. Коров в России и без того на всех не хватает... Действительно, полезная газета.

— Хотела бы я, чтобы за мной начал ухаживать милиционер, — мечтательно сказала Фотомодель. — Тогда и я, может, сделала бы какое-нибудь замечательное открытие, внесла бы свой вклад в отечественную науку.

— Какие с милиционерами можно сделать открытия, — возразил Бывалый. — Разве что снял бы он штаны, а там у него штуковина как раз для книги Гиннеса. Потому как если у человека с извилинами плохо, природа ему чем-то другим этот недостаток компенсирует, иначе несправедливость получается. Ты, наверное, такого рода открытие имела в виду?

– Прочитай еще что-нибудь, – попросила Интеллекта почему-то смутившаяся Фото-модель, демонстративно отвернувшись от Бывалого.

– А почему это у милиционеров с извилинами плохо? – внезапно вступился за органы правопорядка Общественник. – Прошу пояснить. Я, знаете, не то чтобы их защищаю, но я за справедливость.

– Как и всякий общественник, – понятиливо кивнул Бывалый. – Что ж, поясняю. Если у человека с извилинами все в порядке, чего ж он тогда в милицию-то полез?

Общественник молча поскреб залысину, а Фотомодель повторила:

– Там для женщин что-нибудь интересное есть, спрашиваю? Про моду или полезные диеты, к примеру.

– Про моду, про моду... – забормотал Интеллигент, листая толстую газету. – Ага, вот и про моду...

И, поправив бифокальные очки, зачитал следующее:

Новости моды

С веяниями, диктующими моду будущего сезона, вас познакомит лучший стилист России, первейший столичный бонвиван и, наконец, просто утонченный человек, любимец дамского и иного пола, Альберт Жабо.

Итак, общие тенденции: кардинальная смена направлений. Буквально на сто восемьдесят градусов относительно сезона предыдущего. Модно то, что было немодно вчера, и наоборот.

ИТАК, В НАСТУПАЮЩЕМ СЕЗОНЕ:

Немодно: носить закругленное, узкое.

Модно: носить прямоугольное, широкое.

Немодно: носить красное, белое, шерстяное.

Модно: носить черное, фиолетовое, фланелевое.

Немодно: вовремя отдавать взятые в долг деньги, говорить правду.

Модно: врать напрапалую, одалживать деньги, заведомо не собираясь их возвращать, открыто надсмехаться над человеком, давшим их взаймы.

Немодно: пить красные и белые сухие вина, пиво, прочие слабоалкогольные напитки и вообще пить умеренно, быть вежливым, одеваться аккуратно.

Модно: регулярно помногу пить дешевые крепленые вина, разведенный суррогатный спирт, грубо ругаться, быть откровенно небрежным в одежде.

Самый утонченный писк – быть небритым, иметь устойчивый трехдневный перегар и стильный вид только что отпущенного из вытрезвителя человека.

Дамам – все вышеперечисленное, за исключением мятой одежды, перегара. Последним советуется также иметь как можно более вульгарный вид, не носить нижнего белья, приставать к мужчинам на улице.

Немодно: сидеть на диете, следить за весом, вообще заботиться о собственном здоровье, нежничать со своей половиной, поглощать пищу аккуратно, всячески эстетствовать.

Модно: есть много, быстро, жадно, громко чавкая; подолгу без движения валяться на диване, вяло переругиваться с супругой или супругом, изредка позволяя себе при этом повышать голос.

Немодно: трудиться, старательно отработывая зарплату, быть пунктуальным, держать данное слово.

Модно: опаздывать или не приходить на работу вовсе, грубить начальнику, намеренно забывать о назначенных встречах и врать, врать напрапалую по поводу и без.

Немодно: быть гетеросексуалом, иметь одного партнера, опасаться СПИД-а.

Модно: быть геем, лесбиянкой или, на худой конец, хотя бы бисексуалом. Практиковать беспорядочные половые связи со случайными людьми в насколько это возможно больших количествах; бояться чесотки.

Немодно: слушать Ирину Архипову, Монсеррат Кабалье на качественной аппаратуре.

Модно: увлекаться «Сливками», «Карамельками», «Пипетками» и прочими незатейливыми музыкальными коллективами, прослушивая таковые через дешевый аудиоплеер с грязными наушниками.

Немодно: цитировать Кафку, Ницше, вообще умничать.

Модно: общаться подчеркнуто простонародным говором, всячески выпячивать свое мужланство.

Немодно: открыто ругать правительство, демократов.

Модно: опять устраивать тайные посиделки на кухне, признаваться в любви к правительству и демократам осторожно, соблюдая конспирацию.

Ну, и прочее в том же духе. Думается, основные тенденции моды наступающего сезона вы уже уловили, а значит, обладая хотя бы небольшой долей фантазии, можете пополнить этот список сами.

Удачи вам и творческих успехов! Старайтесь всегда и во всем быть современными!

– А вы носите нижнее белье, девушка? – задумчиво спросил Общественник и тут же охнул, схватившись за щеку.

– Для симметрии, – удовлетворенно посмотрев, как вспухает, краснея, вторая щека Общественника, пояснила Фотомодель. – И для закрепления пройденного материала.

– Я всего лишь спросил, следит ли она за модой! – закричал, апеллируя к общественности, Общественник.

– Надо было четче формулировать свои мысли, – поддержал девицу Бывалый. – Ты ж, как-никак, протоколы всяческие пишешь, неужели и там вольности допускаешь? – И спросил Интеллекта: – А еще что-нибудь полезное в твоей газете имеется? Из научно-познавательного чтоб, на манер тех коров. Хватит уже про моду. На Общественника эта тема плохо влияет. От моды у него щека вспухает.

Девушка прыснула, а Интеллигент послушно зашелестел газетой.

– Вот та самая рубрика, – удовлетворенно произнес он. – Читать?

– Валяй.

И Интеллигент зачитал следующее:

Известно ли вам, что...

...что некогда, предположительно в середине 17-го века, двое братьев неуставленной доподлинно фамилии занялись давно известным и весьма популярным на Руси промыслом – организовали на большой дороге возле города Одессы некий прообраз современной таможни: то есть, периодически выскакивая из леса, взимали дань с народа за проезд по подконтрольной им территории. Отказывающихся платить традиционно избивали. Ничего необычного в их действиях не было – подобным промыслом занимались в старину многие, а некоторые занимаются им и по сей день, к примеру, те же работники государственных структур, наподобие нынешнего ГАИ и прочих полезных служб. Единственным, но весьма существенным новшеством, внесенным в этот промысел братьями, оказалось следующее: однажды жестоко избив очередного проезжающего – купца Тихона Федосеева, – переломав ему для профилактики ребра, братья выпили водки, отмечая успех операции, затем неожиданно прониклись к избитому сочувствием и вернули тому часть награбленного, зафиксировав сей факт в специальной бухгалтерской квитанции строгой отчетности, образец которой разработали тут же, экспромтом, после принятия очередной стопки.

Таким образом, они явились зачинателями принципиально нового вида бизнеса, даже не осознавая в полной мере важности значения придуманного – фактически они опять явились первопроходцами, организовав теперь уже некий прообраз страховой конторы, а выплаченные купцу Федосееву деньги на лечение увечий явились первой в мире страховой компенсацией.

В дальнейшем братья, спасаясь от произвола властей, которые в силу своей отсталости так и не смогли оценить подлинного значения их огромного вклада в развитие бизнеса и мировой финансовой системы в целом, были вынуждены бежать в Америку, где представились весьма скромно и незамысловато: люди мы, просто люди; так нас и называйте. Затем, вследствие своеобразного американского произношения «люди» преобразовались в «луды», а затем и вовсе в «ллойд».

Таковы тернистые пути становления первой в мире страховой компании «Ллойд», впоследствии ставшей одним из мировых лидеров в сфере страховых услуг.

– Во дела! – закончив читать, восторженно прокомментировал Интеллигент. – А я и не знал, что первые страховщики на Руси появились. Все же богата наша страна талантами.

– А то, – подтвердил Бывалый.

– Привыкли преклоняться перед всем заморским, – неодобрительно сказал Общественник. – Своих же достижений не знаем.

– Знавал я одного страхового агента, – вдруг припомнил Бывалый. – Только плохо он кончил, не то что эти братья, в «луды» вышедшие.

– Как это, плохо?

– А так. Чабанов застраховать решил.

– Ну и?

– Ну и скинули его в ущелье. Догнали его те чабаны, заломали... Говорю же, нехорошо его карьера завершилась.

– А за что его так?

– А он кричать им всякую пакость повадился. Каждый день в горы приходил, чтобы на договор страховой соблазнить. Денег на них легких срубить хотел. Ну, пока он чабанам про свою фирму втирал, те его еще слушали. А когда он к конкретным предложениям пере-

шел, они осерчали, догнали его, и... Даже не поленились через пропасть перемахнуть, что их разделяла, до того он их разозлил. Ту самую пропасть, через которую он им свои гнусные страховые предложения кричал.

– А чем чабанам не понравились его предложения?

– А тебе б понравилось, если б тебе каждый день с утра до вечера кричали: «Мы самая надежная и известная в России фирма со старыми добрыми традициями. Мы вас быстро и дешево застрахуем»... Ты б стал такое терпеть? Пусть бы даже тебе через пропасть подобные пакости выкрикивали.

– Да что ж в его предложениях пакостного-то?

Некоторое время Бывалый смотрел на Общественника изучающим взглядом.

– Ты вправду не понимаешь или прикидываешься?

– Вправду.

– И я тоже не понимаю, – сказал Интеллигент.

– И я, – вставила Фотомодель.

– А вы про эхо подумали? Знаете, как в горах слово застрахуем звучит? И, причем, до-о-олго так, прошу заметить, звучит. Вот и не выдержали те чабаны издевательств.

– А-а-а... понятно...

Помолчали.

– Чья очередь читать? – закусив плавленым сырком, покрытым толстым слоем баклажанной икры, спросил Бывалый.

– Я вам больше ничего читать не собираюсь, – решительно заявил Общественник. – Пусть вон Интеллигент политинформацию проводит.

– Бунт на корабле? – приподняв брови, спросил Бывалый. – Знавал я одного такого – тоже бунтовать вздумал.

– И что с ним стало? – фыркнув, поинтересовался Общественник.

– Да ничего особенного. Жив-здоров. Организм у него крепким оказался. Да и хирурги хорошие попались. Не из тех, что людям гадить норовят. Они ведь нынче ловко с черепно-мозговыми управляться наострились.

Общественник посерьезнел и торопливо зашелестел бумагами.

– Что читать? – деловито спросил он. – Только сразу предупреждаю – здесь одна ерунда понаписана. Ума не приложу, кому понадобилось в мою папку такие дурацкие бумажки подкладывать. Подозреваю, здесь имеет место хорошо спланированная провокация. Это наверняка чьи-то происки.

– Известно, чьи. Пакостники, они не только без мыла во врачи пролезают, они нынче везде... Ладно, не затягивай, давай, озвучь свою ерунду, – подбодрил его Бывалый. – Все интересней, чем молча сидеть.

– Но вы обещаете, что не будете критиковать?

– Обещаем, – сказала за всех Фотомодель. – Читай.

– Ладно, слушайте.

Общественник обвел собравшихся подозрительным взглядом и после некоторых колебаний зачитал следующее:

Краткий толкователь

Краткий наставник и толкователь событий, основанный на десяти проверенных народных приметах

1. Если на улице к тебе настороженно приглядываются посторонние люди: возможно на вокзалах развесили твой фоторобот (разумеется, ошибочно).

2. Если это уже произошло: не отчаивайся. Тебя наверняка ожидают перемены к лучшему. Скорее всего, скоро тебе предложат творческую работу и пронумерованную спецодежду, подписав с тобой долгосрочный контракт.

3. Если твой устойчивый недельный перегар тонко сочетается с семидневной же щетиной и все это удачно дополняется стильно мятой одеждой: тебе, скорее всего, откажет девушка на дискотеке. Тоже не отчаивайся: еще неизвестно, что ты мог от нее подцепить.

4. Если ты расслабился в незнакомой компании, употребляя спиртосодержащие продукты, утром тебе предстоит: кланчить у прохожих одежду, деньги на проезд до поликлиники, долгое заживление ссадин и гематом.

Дамам предстоит: лишний раз убедиться, что все мужики сволочи; в перспективе – прерывание незапланированной беременности.

5. Если в поезде разъяренный проводник отказывается принимать у тебя постельное белье: значит, у симпатичной дамы, вчера приглашенной тобой в свое купе для доверительного разговора об импрессионистах, просто были критические дни, а ты достаточно выпил, чтобы деликатно этого не заметить.

6. Если совершенно незнакомые люди настойчиво предлагают тебе большие деньги и просят что-нибудь пролоббировать: ничего особенного или предосудительного. Скорее всего, ты просто работаешь депутатом.

7. Если, к тебе, устроившемуся неприметным клерком за границей, вдруг подбегает человек, восторженно кричит «Василий Петрович!» и заключает тебя в объятия: значит, ты обычный шпион. Не старайся этого человека убедить, что ты Гюнтер Шнепст и видишь его впервые. Смирись, ты раскрыт. Это обычный провал и в мирное время тебя, скорее всего, лишь вышлют из страны пребывания.

8. Если ты впотьмах встретил милиционера в форме, несущего пустое ведро или дубинку: к обычной потере зубов или избавлению от камней в почках вместе с самими почками – тут уж кому как повезет.

9. Если во время постельных утех ты почувствовал что-то необычное: не спеши радоваться тому, что наконец-то нашел девственницу. Возможно, твоя новая девушка просто забыла вытащить тампон.

10. Если у твоей дамы кривые ноги: не ищи в этом какого-либо подтекста – у нее просто кривые ноги.

Специальное дополнение для дам: если у твоего избранника маленький пенис, это не значит, что он тебя не любит и заимел такой инструмент из вредности. Это значит, что у него просто маленький пенис.

– Господи, какая пошлость! – воскликнула Фотомодель. – Это кто ж такие мерзости придумывает! – Она смотрела на Общественника недоверчиво, широко раскрытыми глазами, словно подозревая его в причастности к сочинению подобных текстов и одновременно

не желая в это верить. – Про какие-то окровавленные простыни, тампоны... Просто уши вянут!

– Я же говорил, что это не мое! – нервно выкрикнул тот. – Вы сами просили прочитать! Я, между прочим, не хотел! Я, между прочим, предупреждал!

– Ошибаетесь, девушка, – покачал головой Интеллигент. – Это даже не пошлость, это вообще черт знает что. Такому и определения подходящего не подберешь... Не надо было такую чушь читать. Да еще при дамах. – Это уже относилось к пребывающему на грани истерики Общественнику.

– Вы что издеваетесь? – Последний порывисто вскочил. Его лицо стремительно багровело. Багровость эта была весьма нездоровой, если не сказать – опасной, могущей в итоге уложить его на больничную койку под надлежащий присмотр квалифицированных врачей или пакостных людей, объявивших себя таковыми. – Сколько раз можно вам повторять – это не мое! Я не имею к этим дурацким памяткам никакого отношения! Ровным счетом никакого! Это не мои документы и точка!

– А папка твоя? – вкрадчиво поинтересовался Бывалый. Он задумчиво посмотрел на свои высовывающиеся из продырявленных тапок пальцы с ногтями в красивом траурном обрамлении, затем перевел взгляд на Общественника и хмыкнул – не находя что ответить, тот только беззвучно открывал рот. – Да ты сядь, сядь, чего так волноваться-то... Ну, сочиняет человек памятки – и что с того. Подумаешь, дело большое. Кто-то ж должен. Лучше пусть это делает такой вот безвредный, влюбленный в свое дело общественник, нежели те.

– В белых халатах? – сообразил Интеллигент.

– Они самые, – кивнул Бывалый. – Уж они придумают. От их памяток всем худо станет. А в этой хреновине хотя бы один полезный пунктик имелся.

– Насчет вокзалов и фотороботов? – опять ухватил на лету Интеллигент, чем заслужил одобрительный взгляд Бывалого.

– Никогда не следует доводить дело до фоторобота, – наставительно сказал он.

– Ты имеешь в виду... – Интеллигент, кажется, опять догадался, но теперь побоялся произнести свою догадку вслух.

– Нет свидетелей – нет фоторобота, – веско подтвердил Бывалый, перехватив его недоверчивый взгляд. – Но это я так, к слову. Сам-то я, конечно, человек мирных профессий... Ну, чего сидим? Наливайте, что ли.

– Это не мое... – в очередной раз пробубнил наконец обретший дар речи Общественник. Обмякнув, он тряпичным кулем брякнулся сидением на свой проволочный ящик и по знаку Бывалого ему немедленно вручили полновесный водочный стакан, который он благополучно и осушил.

– Как, полегчало? – участливо поинтересовался Бывалый. – А пока ты после буйства в себя окончательно не пришел, давай-ка и я что-нибудь зачитаю. – Он с кряхтением нагнулся, уцепил двумя пальцами мятый, валяющийся в ногах листок. – Так, что тут у нас... Ага, обрывок дневника какой-то девушки, что ли.

– О! Это интересно, – воскликнула Фотомодель. – Читай быстрее, я сгораю от нетерпения.

– Чужие дневники читать нехорошо, – возразил Интеллигент и посмотрел на Общественника.

– Делайте что хотите, – буркнул тот сердито.

– Если девушка красивая, то можно, – объяснила Фотомодель свое видение ситуации. – Она красивая?

– Несомненно, – подтвердил Бывалый, скользя взглядом по найденной бумажке. – Помоему, даже фотомодель. Во всяком случае, подиум топтала, точно.

– Тогда читай немедленно! – заверещала Фотомодель. – Это же так интересно!

– Тогда слушайте, – сказал Бывалый и зачитал следующее:

Девушка и маниак

Хроника некоторых событий, имевших место происходить

Суббота, 22 ч. 30 мин

Город N, улица Гагарина, дом №35, первый подъезд.

Светлана Красоткина, миловидная девушка двадцати двух лет от роду, собирается на прогулку. Она вертится перед зеркалом, разговаривает сама с собой, комментирует видимое.

– Хороша. Нет, ну чудо как хороша! Нет, ну правда! Красивее, чем Памела Андерсон! Одним словом, тоже блондинка, только умная!

Озабоченно смотрит на часы.

– Уже поздно. Нет, ну ведь правда, поздно. Еще пристанет маньяк, говорят, их сейчас тьма расплодилось. Нет, ну правда ведь пристанет, ведь я красивая. Ведь красивее Памелы Андерсон и тоже блондинка. Нет, пойду. Прогуляться очень хочется. Надо показаться народу в вечернем платье. Днем в таком не погуляешь...

Выходит из квартиры.

Суббота, то же время

Город N, улица Гагарина, дом №35, четвертый подъезд.

Иван Иванович Вялов, обычной внешности мужчина сорока лет от роду, собирается на прогулку. Стоит в коридоре, смотрит на свое отражение в зеркале, комментирует видимое.

– Ну и рожа... Может, никуда не ходить? Нет, врач сказал, надо гулять. Иначе еще хуже станет. По часу в день, не меньше. Надо идти. Все, пошел...

Выходит из квартиры.

Суббота, 22 ч. 55 мин.

Плохо освещенный участок безлюдной улицы. Света, стараясь не стучать каблучками, крадучись передвигается в сторону своего дома, разговаривает сама с собой.

– Нет, все же дура я, хотя и блондинка. Еще тупее Памелы Андерсон. Гулять в такое время! Больше из дому ни-ни! А вечернее платье пусть себе висит в шкафу. Здоровье дороже...

Суббота, то же время.

Плохо освещенный участок улицы. Иван Иванович, спотыкаясь, передвигается в сторону дома, разговаривает сам с собой.

– Ну, мудака! И чего на улицу поперся? Лучше б сидел дома и смотрел футбол по телеку. Точно, мудака! Слушать врача, который еще больший мудака! Жил без прогулок сорок лет, и еще столько же протяну. И все же интересно, нагулял ли я положенное время?

Смотрит на часы.

– Тьфу, мать твою! Еще и часы остановились... Надо бы спросить у кого-нибудь, который час.

Озирается, видит бредущую по другой стороне улицы блондинку.

– Надо же, красивее, чем Памела Андерсон! – вслух замечает Иван Иванович. – Надо спросить у нее.

Начинает переходить дорогу.

Суббота, 22 ч. 57 мин.

Светлана замечает на противоположной стороне улицы подозрительно ведущего себя мужчину. Тот разговаривает сам с собой, озирается. Замечает ее, начинает переходить дорогу.

«Маньяк!» – с ужасом смекает девушка.

Парализованная страхом, она смотрит на неумолимо приближающийся зловещий силуэт.

– Девушка, не подскажите, сколько времени? – спрашивает неприятного вида мужчина с нездоровым цветом лица.

«А у самого часы на руке! Точно – маньяк, надо быстрее уносить ноги!» Девушку начинает бить дрожь. Некоторое время она безмолвно таращится на мужчину, затем бросается прочь.

«Дура, – решает Иван Иванович. – Точно дура, хотя и на Памелу Андерсон здорово похожа. Шляется по улицам в вечернем платье, ничего не отвечает, шарахается от приличных людей»...

Суббота, 23 ч. 05 мин.

Светлана приближается к своему дому.

То же время.

Иван Иванович приближается к своему дому.

Через три минуты.

Светлана замечает знакомый зловещий силуэт. Подозрительный мужчина опять идет ей навстречу. «Выследил! – с ужасом понимает девушка. – Я так и знала! Точно, маньяк!».

«Опять эта дура! – с раздражением отмечает Иван Иванович. – Даже смотреть не буду, просто пройду мимо».

Мужчина нарочно заранее отворачивается, смотрит в сторону, чтобы ненароком не испугать странную, похожую на Памелу Андерсон блондинку.

Похожая на Памелу Андерсон блондинка понимает, что маньяк отвернулся нарочно, он не хочет, чтобы она запомнила его лицо, зато хочет притупить ее бдительность и напасть неожиданно.

«Убегать поздно! Надо напасть первой, еще более неожиданно! – принимает решение Светлана. – Иначе живой он меня не отпустит». Она незаметно запускает руку в сумочку, нашаривает пилку для ногтей, лихорадочно припоминает инструкции из публикуемых в местной газете «Уроков самообороны для деловых женщин».

Минуту спустя.

Двое неумолимо сближаются, вот они уже в считанных десятках сантиметров друг от друга...

– На, маньячина, получи! – Светлана резко выбрасывает вперед руку с зажатой в пальцах пилкой, которая попадает точно в глаз повернувшемуся на крик Ивану Иванычу.

Суббота, 23 ч. 25 мин.

Похожая на Памелу Андерсон блондинка окончательно проблевалась и в целом чувствует себя хорошо. Вид трупа с раскинутыми руками и торчащей из глаза пилкой для ногтей больше не вызывает у нее эстетического отторжения. Она хмурится, ей кажется, что нужно еще что-то сделать, только она не может сообразить – что.

Минуту спустя.

Светлана вспомнила. Она опять роется в сумочке, достает обрывок бумажки, шариковую ручку, быстро что-то пишет, запихивает бумажку в рот Ивану Ивановичу.

Теперь картина приобрела завершенность. Именно так делается в фильмах про итальянскую мафию.

Утро следующего дня.

Найден труп Ивана Ивановича Вялова, слесаря-сантехника небольшого частного предприятия. Милиция подозревает криминальный передел сфер сантехнического влияния в городе N.

Неделю спустя. Суббота, 22 ч. 30 мин

Город N, Улица Гагарина, дом №35, первый подъезд.

Похожая на Памелу Андерсон блондинка рассказывает по своей комнате, в которой сидят еще три похожих на Памелу Андерсон блондинки. Рассказывающая блондинка говорит им что-то назидательное.

Неделю и день спустя. Утро.

Найдены четыре трупа мужчин в возрасте от 30 до 45 лет. У каждого скомканная записка во рту.

Месяц спустя. Суббота, 22 ч. 30 мин.

Похожая на Памелу Андерсон блондинка рассказывает по комнате, в которой сидят еще пять похожих на Памелу Андерсон блондинок...

– Итак, девочки, сегодня мы заканчиваем курс спецподготовки. Давайте закрепим пройденный материал. Назовите наиболее уязвимые точки маньяков. Кто хочет ответить?

– Я! – Похожая на Памелу Андерсон блондинка встает, украдкой заглядывает в шпаргалку, смотрит на похожую на Памелу Андерсон учительницу. – Дождавшись, когда он поравняется с тобой...

Похожая на Памелу Андерсон учительница подводит итоги:

– Итак, все приобрели пилки нужных размеров? Все принесли спецодежду? Тогда за работу. Выходим и рассыпаемся по району. Этот мужской беспредел пора прекращать. Переодеваемся, девочки, переодеваемся...

Шестеро похожих на Памелу Андерсон блондинок натягивают вечерние платья.

Воскресенье, 7 ч. 30 мин

Город N, РОВД, экстренное совещание. Прокурорский кабинет, набитый не выспавшимися сотрудниками органов внутренних дел.

– Итак, товарищи офицеры, беспредел на улицах нашего города продолжается. Сегодня опять найдены шесть трупов мужчин в возрасте от 23 до 50 лет, умерщвленных путем введения в глаз пилки для ногтей. Во рту каждого найдена бумажка с текстом «Смерть маньякам!». Похоже, городские маньяки затеяли между собой какие-то непонятные разборки. Какие будут мнения? Сначала я хотел бы выслушать наших экспертов.

Понедельник, 22 ч. 30 мин.

В комнате дома №35 по улице Гагарина сидят восемь похожих на Памелу Андерсон блондинок. Они слушают девятую, похожую на Памелу Андерсон блондинку.

То же время.

В соответствии с рекомендациями врача Петр Петрович собирается на прогулку.

Сидор Сидорович собирается в гости.

Опанас Опанасович собирается бежать за бутылкой.

Александр Александрович готовится встретить супругу, закончившую вечернюю смену.

Еще кто-то собирается идти куда-то.

Они все маньяки, но пока не догадываются об этом.

– Это не дневник, это летопись, – подытожил Интеллигент. – А летописи читать можно. Даже нужно. На то они – летописи. Чтоб других учить, чтоб неповадно было.

– Ужас! Кругом одни маньяки! – испуганно выкрикнула Фото модель. – Я так и знала! – Она почему-то принялась подозрительно присматриваться к Общественнику. – И прикидываются, между прочим, приличными; по виду, между прочим, и не скажешь, что маньяк.

– В чем дело, дамочка? – сухо спросил тот. – Вы, прошу прощения, словно намекаете на что-то? Я, между прочим, человек сугубо положительный, не говоря уже о том, что семейный.

– А кто меня за коленки хватал и про нижнее белье интересовался? – напонила Фото модель. И нахмурилась, вдруг окончательно осмыслив заявление Общественника. – Раз семейный, тогда нечего ко мне свои круглые предметы подкатывать.

– Это какие еще предметы? – с недоумением переспросил Общественник.

– А волосатые, перед которыми другой предмет висит, на колбасу смахивающий, – пояснила Фото модель.

– Ну, не то чтобы я совсем уже такой весь из себя семейный, – заюлил, нагоняя тумана, Общественник. Он покашлял, прочищая глотку, и потянулся за спасительной водкой: – Может, выпьем?

– Мне нельзя, у меня кастинг намечается... Ага, я тоже кое-что нашла! – Фото модель нагнулась за валяющейся в ногах бумажкой не в пример изящней, чем это недавно проделал Бывалый. – Здорово! – вчитавшись, воскликнула она. – Я нашла свое счастье!

– Это что, лотерейный билет? – предположил Интеллигент.

– Фу, мужчина! Какой вы приземленный! Это гораздо лучше, это письмо счастья! – прокричала, прижимая заветный листочек к груди, Фото модель.

– Не поделишься? – спросил Интеллигент.

– Счастьем? – Фото модель обвела троих возмущенным взглядом, но внезапно ее глаза потеплели. Возможно, перемене ее настроения способствовал услужливо протянутый Общественником стакан, а возможно это зависело от быстро меняющейся ситуации на внутренней, гормональной бирже девичьего организма. – Ладно, так и быть.

Она неохотно оторвала от груди листочек, бережно расправила его на коленях и, все-таки на мгновение заколебавшись, в итоге зачитала следующее:

Щастья хватит на всех!

(Орфография подобного рода писем сохранена)

Это магическое письмо принесет вам щастье. Оно обошло планету 378 раз, поэтому его надо переписать от руки 378 раз и отправить другим людям, которые не меньше вас мечтают о щастье. Ксиракапировать нельзя, потому что тогда письмо потеряет свою магическую силу, и вообще, щастье не дается на халяву, его нужно заработать.

Итак, ознакомьтесь с некоторыми подробностями истории этого магического письма...

Греки отказались переписать письмо и тогда троянцы украли у них Прекрасную Елену.

Троянцы отказались переписать письмо и греки незамедлительно отобрали у них Елену обратно, взамен всучили троянцам Троянского коня, а саму Трою сровняли с землей.

Археолог Шлиман переписал письмо и лопатой раскопал эту Трою обратно.

Алла Пугачева, в почтовый ящик которой бросили такое письмо, не поверила в его силу и отказалась переписывать его от руки. В том же году к ней посватался Филипп Киркоров, присосался к ней как пиявка и она до сих пор не знает, как от него избавиться.

Когда Штирлиц бросил в почтовый ящик Гитлера письмо щастья, тот поленился переписывать его, хотя в то время это магическое письмо требовалось переписать всего лишь 265 раз. В том же году он получил свой Сталинград, с которого и начался закат гитлеровской Германии.

Наполеон сделал ксиракопии и тоже незамедлительно получил свое Ватерлоо.

Одному кавказскому полевому командиру тоже бросили в почтовый ящик такое письмо. Ошибочно сочтя, что это провокация ФСБ, он принципиально не стал переписывать его от руки, и вскоре взрывом гранаты ему разворотило голову. Тогда он, даже не зная русского языка, быстро переписал это письмо 378 раз, и его тут же забрали на лечение в Германию, где хирурги залатали ему череп металлическими пластинами. Когда ФСБ во второй раз бросила письмо в его почтовый ящик, он опять не стал переписывать текст от руки, а сделал обычные ксиракопии. Сейчас он, щастливый, сидит в Лефортово и пишет мемуары.

Три пунктуальных американских клерка не поленились переписать письмо, после чего их в тот же день приняли в космонавты, незамедлительно вручили скафандры, и уже вечером, после непродолжительного полета, они, щастливые, запросто разгуливали по Луне.

Ельцин сделал ксиракопии и в тот же день в нетрезвом состоянии свалился с моста в реку. На следующий день, когда он переписал тот же текст от руки, ему тут же налили опохмелиться и дали подирижировать американским военным оркестром.

Эв Холифилд не стал переписывать письмо и ему откусил ухо Майк Тайсон.

Майк Тайсон переписал письмо и ему пощастливилось откусить ухо Эву Холифилду.

Нищий, никому не известный Сорос переписал письмо и в тот же год получил в подарок фонд Сороса, а сам стал миллиардером.

Березовский не стал переписывать письмо и сейчас его разыскивает Интерпол.

Тожe никому на тот момент не известный Володя Путин переписал магическое письмо положенное количество раз, разбросал по почтовым ящикам соседей, и через месяц стал президентом страны, потому что 378 щастливых соседей переписали письмо по 378 раз и Центризбирком засчитал эти письма в пользу Володи.

Депутаты латвийского сейма, получив письмо щастья, не захотели его даже читать, потому что оно было написано на русском языке. Поэтому, вместо того чтобы переписать его 378 раз, они прислали президенту Путину другое письмо – требование денежной компенсации за что-то. Путин не стал им отвечать, потому что был занят – он как раз заканчивал переписывать очередное письмо щастья и ему оставалось дописать всего 156 экземпляров.

Тогда депутаты сейма в надежде на счастье тоже переписали это письмо на своем языке – каждый по 378 раз. Магическая сила этого письма, помноженная на сто депутатов и все это помноженное на 378, достигла такой невиданной силы, что президент Путин стал понимать по-латышски и ответил сейму положительно. В качестве компенсации за что-то он пообещал латышам уши от мертвого осла и таким образом все остались довольны. В итоге все люди счастливы, а пострадали только осла, которые на свою беду не умеют писать письма – нищастных животных собрались усыпить, чтобы отрезать им уши и отправить их счастливым латышам.

Вдохновленные успехом латышей, в очередь за счастьем записались и эстонцы, но они слишком медлительны, поэтому с переписыванием письма у них возникли проблемы, к тому же неизвестно, наберется ли у России такое количество ослов, чтобы обеспечить их ушами всю Прибалтику...

Если вы держите в руках это магическое письмо, значит в ваш дом пришло счастье. Надо переписать письмо от руки 378 раз и поделиться своим счастьем с другими, разослав его разным людям. Ксиракопии делать запрещено. Это письмо можно отправлять и по электронной почте, но тогда его надо 378 раз набрать с помощью клавиатуры, а не копировать, иначе оно потеряет свою силу, а схалтурившего ждут большие неприятности.

Обдумайте все вышесказанное и не делайте скоропалительных выводов. Не спешите отказываться от своего счастья и не жадничайте – переписывайте это письмо сами и давайте переписывать его другим.

Щастья хватит на всех!

– Мне срочно требуется ручка! – закончив читать, заявила возбужденная Фотомодель. Покопавшись в сумочке и не найдя искомого, она обвела собравшихся просительным взглядом. – Мужчины, у кого имеется ручка? Мне нужно срочно переписать это письмо 378 раз! Я хочу счастья!

– То есть, ушей от осла? – уточнил Бывалый и посоветовал: – Спроси у Интеллигента. Этот народ без ручки даже в сортир не ходит.

– Для чего в сортире ручка? – недовольно спросил Интеллигент.

– Ну, не знаю. – Бывалый пожал плечами. – Интеллигентам виднее, для чего. Может, свои ощущения в виде подробного дневника записывать, а может еще зачем. Может, вы там опыты ставите и результаты фиксируете, раз уж такие из себя ученые.

– Сказал бы я кое-кому кое-что и по поводу сортира, и по поводу учености, да только...

– Только не хочешь на себе проверять, действительно ли хорошие у нас хирурги и ловко ли они управляют с черепно-мозговыми, – с ехидцей закончил за него Общественник. Он поймал вопросительный взгляд Фотомодели и виновато развел руками: – У меня тоже ручки нет. Папку мою вернули, а ручку – увы. А может, вот эта штука сойдет вместо нее? – Он шустро налил водку в стакан и протянул его девице.

– Сойдет, – согласилась та, принимая подношение. – Тоже мне, мужики... Даже ручки не допросишься.

– Неужели кто-то во все эти письма верит? – покосившись на лихо осушившую стакан девицу, поразился Интеллигент.

– Ну... насчет Шлимана я, конечно, в точности знать не могу, давно это было... но ведь американцы действительно ходили по Луне, – осторожно ввернул Общественник.

– То была не Луна, а павильон в Голливуде, – насмешливо возразил Бывалый. – Кто ж таких обалдуев на Луну-то пустит?

– Как это – кто? – изумился Общественник. – А кто их может не пустить?

– Имеются высшие силы, – туманно пояснил Бывалый. Давая понять, что не хочет продолжать разговор на эту тему, а скорее всего, что-то мешает ему это делать – возможно, данная представителям какой-либо нешуточной организации подписка о неразглашении, – он повернулся к изучающему газету Интеллекту: – Что-то помалкивает наш интеллектуальный потенциал. Какие новости?

– Хреновые, – честно ответил тот. – Близится конец света. Появились какие-то странные люди. Кажется, эволюция достигла высшей точки своего развития и стремительно покатилась вспять.

– Что за люди? – насторожился Общественник и подозрительно осмотрелся. – Бандиты, что ли?

– Кабы б бандиты. К бандитам все давно привыкли. Без них даже как-то непривычно уже – исчезни они, всем будет чего-то не хватать.

– А кто тогда?

– А вот тогда кто...

И Интеллекту зачитал следующую новость:

Известно ли вам, что...

...что все чаще и чаще на улицах российских городов отмечают появление странного вида людей. От людей обычных они отличаются угрюмым видом, некоторыми деталями поведения, специфическим запахом, но все это не входит в разряд чего-то необычного. Необычно то, что эти люди являются обладателями заметно удлинённых рук, то есть налицо явная деформация скелета, что видно невооружённым взглядом. Обычно они ходят, обвешавшись объемистыми пакетами и сумками, но к подвиду так называемых «челноков» явно не относятся. Иногда эти гуманоиды, в которых некоторые уфологи склонны видеть пришельцев из иных миров, сколачиваются в стаи из двух-трех особей и тогда, подобно воронам, хрипло каркают друг другу что-то на странном языке, иногда бродят поодиночке, но в любом случае их контакт с людьми обычными сводится к выманиванию у последних денег и сигарет.

Милиционеров они не интересуют, потому что не имеют паспортов и наличных средств для взятки, к чему следует приплюсовать упомянутый выше неприятный и даже губительный для неподготовленного человека запах, от которого потом можно избавиться, лишь прибегнув к дезинфекции дежурного милицейского помещения; а от встреч с учеными-исследователями пришельцы категорически уклоняются, мотивируя свой отказ «недостатком времени на всяческие бесплатные глупости».

Попытка нашего корреспондента проследить за одним из таких экземпляров с целью изучения их ареала не только не увенчалась успехом, но и закончилась весьма трагично для исследователя.

«Я проследил за одним из так называемых пришельцев до узла теплотрассы, где, судя по некоторым признакам, они организовали гнездовье, – рассказывает находящийся в данный момент на больничной койке сотрудник газеты, у которого проломлен череп, – попробовал проследовать за ним дальше, но, стоило мне переступить порог теплоузла, как я получил удар по голове и больше ничего не помню. Скорее всего, меня намеренно заманили в ловушку...»

Из этого случая можно сделать вывод, что пришельцы ревностно хранят свои тайны, не подпуская к изучению своей популяции посторонних. С другой же стороны, как утверждает доцент всероссийской кафедры, лауреат множества научных премий, академик-антрополог М. И. Гешефтвахер, никакой загадки здесь нет.

«Эти люди не являются пришельцами из иных миров, не несут никаких загадок, а являются обычными бомжами – то есть, людьми будущего, что, судя по ходу развития нашей страны, несомненно, ожидает каждого из нас. Удлинение же передних конечностей произошло у них за счет того, что для выживания своего вида этим несчастным приходится с утра до вечера обшаривать мусорные контейнеры в поисках пропитания, а конструкция контейнеров российского производства предполагает наличие у искателя спрятанных в нем ценностей либо длинных рук, либо специального инструмента. Таким образом, мы видим, что, в отличие от подопытных обезьян, бродящих в лабораториях по лабиринтам и достающих подвешенные к потолку бананы с помощью палок, человек будущего гордо отказывается от орудий труда и предпочитает использовать свои руки, что, несомненно, говорит о его уникальном уме – руки, конечно же, надежнее любой палки.

Тем не менее, случай удлинения конечностей российского человека сам по себе уникален, до сих пор не имеет аналогов в других демократических странах и, несомненно, должен стать предметом самых серьезных исследований, потому что, вне всяких сомнений, означает: человечество вступило в новый виток своего эволюционного развития и от этого

никуда не уйти. В конце концов, таким образом в очередной раз доказывается закон круга или, если хотите, спирали. От обезьяны человек произошел, к ней и вернется.

Что сулит это человеку как виду, хорошо это или плохо, может показать только время. Остается лишь порадоваться, что произошло это именно в России, и таким образом она в очередной раз подтверждает свое несомненное первенство в списке самых богатых на всевозможные чудеса стран мира»...

– Ни хрена себе, – подытожил Общественник. – Дожились... Это что же получается, скоро все такими будем?

Несколько мгновений четверо молчали, настороженно приглядываясь друг к другу. Особое внимание уделялось, конечно же, рукам.

– Не знаю, как там у некоторых, а у меня с руками все в порядке, – хмуро заявила Фото модель. – И с другими конечностями – тоже. Иначе б меня до кастинга не допустили.

– Да ерунда все это, – без особой уверенности проговорил Интеллигент. – Не верю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.